

ТЭФФИ

АВАНТЮРНЫЙ РОМАН

радиосценарий

Александра Пономарёва

Москва

2009

«Pourquoi occuper le Tribunal de ce chetif b... la», — cria une
voix de la Montagne... *La Revolution Louis Madelin*
«Почему надо занимат ь Трибунал эт им ничт ож ест вом»-
раздался голос с Горы... «Революция». Л. Мадлен (фр).

Кирджали был родом болгар. (А. Пушкин)

Автор Шофер гнал вовсю, как ему и было приказано. Тяжелая машина, жужжа, как гигантский шмель, обгоняла бесконечную вереницу автомобилей, возвращавшихся в Париж.

Пассажиры — два манекена модного дома «Манель» и управляющий этого же дома мосье Брюнето — напряженно молчали.

Молчала манекен Наташа (коммерческий псевдоним Маруси Дукиной), потому что злилась на неудачную поездку, на дождь в Довилле, на скуку и на манекена Вэра (коммерческий псевдоним француженки Люси Боль), которая стала разводить драму с мосье Брюнето.

Наташа -Нашла тоже время!

Автор Вэра поджимала губы и отворачивалась от Брюнето, который, как будто в чем-то виноватый, лебезил перед ней, прикрывая ей ноги пледом, и что-то шептал. *(еле слышный разговор Брюнет о с Вэра)*

Наташа –Ссорятся... Что-то она из него выматывает.

Автор Брюнето приходилось, по-видимому, туго. Подъезжая к Парижу, он снял шляпу, и Наташа с удивлением увидела, что плешивый с начесом лоб его был совсем мокрый.

Брюнето -Милая Наташа! Мы, конечно, пообедаем все вместе. Мне только надо на одну минутку заехать... Вэра поедет со мной... надо урегулировать... вообще подсчитать. Милая Наташа, мы с Вэра сейчас выйдем, а шофер отвезет вас на Монмартр, он знает куда. Возьмите бутылку шампанского, если хотите, танцуйте и ждите нас. Я вас очень прошу!

Автор Он обращался к Наташе, но смотрел на Вэра и при словах «очень прошу» нагнулся и прижался лицом к руке Вэра. Та молча закрыла глаза.

Брюнето – Шофер! Авеню Монтень. Ко мне.

Автор Был уже десятый час, когда Наташа подъезжала к ресторану.

Наташа - Возвращайтесь на авеню Монтень.

Шофер – Слушаюсь.

Автор В подъезд одновременно с ней входил высокий молодой человек. Он торопливо пропустил ее вперед, с тихим восклицанием благоговейного удивления.

Поднимаясь по лестнице, Наташа видела в огромном зеркале томную изящную даму в серебристо-белом манто, отделанном черной лисицей. На длинной гибкой шее две нитки розового жемчуга. Крупные черные локоны плотно облегли затылок.

Наташа - Господи! До чего же я красива! Как странно, что дураку Брюнето нравится пухлая Вэра!

Автор Она села за столик, заказала вино и стала ждать. Чувствовала себя спокойной, довольной, богатой. Главное — хорошо, что спокойной.

Наташа - Можно себе представить, какую сейчас истерику закатывает Вэра несчастному Брюнето. А в понедельник, когда патронша Манельша узнает обо всех штучках (уж, конечно, шофер насплетничает!), обрушится на бедную его плешивую голову такая буря, из которой ему живому не выскочить.

- Скучно все это, нудно...

Автор Наташа пила маленькими глотками вино, курила, слушала воющий джаз.

Наташа - Хорошо быть свободной!

Автор За соседним столиком уселся тот самый молодой человек, которого она встретила при входе. Место, очевидно, далось ему не даром. Он что-то долго хлопотал и спорил с метрдотелем.

Наташа поняла, что это делается из-за нее, и украдкой следила за соседом.

Он был еще очень молод, лет двадцати пяти, не больше. Белокурый, сероглазый, с пухлыми щеками и надутой верхней губой, как это бывает у детей, когда они что-нибудь очень внимательно делают. Он медленно тянул вино из стакана, закидывая голову, и беспокойно глядел на Наташу. Видимо, хотел заговорить и не знал, как за это приняться.

Наташа - Но вот зажглись в зале красные лампочки, погас верхний свет и начался «номер».

Автор Две очень похожие друг на друга полуголые смуглые танцовщицы плясали фантастический танец.

Наташа - Пляшут больше на руках, чем на ногах. Бриллиантовые каблук сверкают в воздухе. *(Публика зааплодировала.)*

Автор Вихляя боками, танцовщицы пробирались между столиками к выходу.

Наташа - Шурка!

Шура - Наташка! Ты как сюда попала?

Наташа - Тише! Пусть думают, что я богатая англичанка. Жду своих. Ты давно здесь танцуешь?

Шура - Вторую неделю. У меня новая сестра. Еще больше на меня похожа, чем прошлогодняя. Хорош наш номер? Ну, я бегу. Заходи!

Автор Она убежала. За ней следом, роняя стулья, кинулся молодой человек с надутой губой. Вернулись вместе.

Шура *(запыхавшись, на плохом французском)* - Мадам, вуаси мосье ве презенте... *(Прыгнула и убежала.)*

Наташа – Какой же у Шурки чудовищный французский!..

Гастон – Разрешите Вас пригласить?

Наташа - Танцует он изумительно. Уж не профессионал ли? И лицо у него вблизи совсем славное. Детское — веселое и доброе и слегка смущенное...

Говорит по-французски с акцентом... - Вы не француз?

Гастон - Угадайте!

Наташа – Вы... Кто он, действительно? - А ваше имя?

Гастон - Гастон Люкэ.

Наташа -Значит, все-таки француз?

Гастон – Угадайте. А я сразу узнал, что вы англичанка.

Наташа -Почему?

Гастон - По вашему акценту, по вашей внешности и по вашим жемчугам.

Наташа -Это наследственные.

Гастон (*засмеявшись*) -Ну нет! Это только фальшивые так называют. А у вас настоящие.

Наташа (*сухо*) -Ну конечно.

Автор Как же можно было сомневаться, когда мадам Манель продавала это великолепное изделие по шестьсот франков за нитку, и то только хорошим клиентам к хорошим платьям... Танцевали много. Мальчик был не красноречив. Больше улыбался, чем говорил. Но улыбался так счастливо, и у самых уголков его рта делались крошечные ямки.

Гастон -А вы не уедете в вашу Англию?

Наташа -Нет еще. Не скоро.

Гастон (*засмеявшись*) - Я вас люблю.

Наташа - Уже около двенадцати... Где же Вэра и Брюнето?..

Шофёр (*подходя*) – Мадам, Вам письмо.

Автор Брюнето писал, что приехать не может, рассыпался в извинениях и благодарил заранее «за все, за все».

Наташа - Понимаю за что... За то, чтобы не проболталась патронше.

Автор В конце письма сказано было, что она может располагать автомобилем, и был приколот булавкой пятисотфранковый билет.

Наташа - Я скоро уеду. Подождите немножко.

Шофер – Как Вам будет угодно. (*Другая музыка*)

Наташа - Последний танец. Пора домой.

Гастон - Вам уже надоело? Вам скучно? Да, я сам знаю. Здесь тесно и душно. Поедем в другое место. Хотите? Я вам покажу... под Парижем. Там чудесно. Еще не поздно... Умоляю вас!

Автор Наташа представила себе свою скучную отдельную комнатку.

Наташа - Отчего не остаться еще хотя на часок «богатой англичанкой», раз это так забавно? Еще часок, другой — и конец. Навсегда. - Ну хорошо, едем. Мой шофер внизу. Вы скажите ему адрес.

Автор Он покраснел от удовольствия, засуетился...

Наташа подошла к своему столику, заплатила за вино и, накинув заученным грациозно-манекенным жестом свое сверкающее манто, спустилась с лестницы.

Er war ein Dieb,

Sie war...

H. Heine

Он был вор, она была...

Г. Гейне

Автор Ресторан, к которому привез Наташу Гастон Люкэ, оказался совсем близко за Сеной. Он занимал небольшой двухэтажный домик, весь окруженный стеклянной верандой, изукрашенной гирляндами и цветными фонариками, весь пылающий, как бенгальский костер, среди темных тихих домиков пригорода.

Глухие удары оркестрового барабана доносились на площадь, всю уставленную автомобилями.

Гастон - Вот здесь будет уютно!

Автор Внизу помещался бар. Наверху — ужинали, пили и плясали. Еле нашелся свободный столик.

На маленьком пространстве, уделенном для танцев, давя друг друга ногами и локтями, колыхались голые спины, голые плечи, распаренные лица.

Оркестр вела дама-пианистка, вела мастерски. Смеялась, выкрикивала английские словечки, гримасничала, хлопала по боку пианино. Гладко зализанная

остролицая голова с локонами, вылезавшими из-под ушей, делала ее похожей на веселую борзую собаку.

В каше танцующих выделялся негр, выкидывавший какие-то особые коленца, не очень красивые, но всегда неожиданные. Одет негр был грязновато, и Наташу удивило, что он, пристально посмотрев в их сторону, весело мигнул Гастону.

Наташа -Странное знакомство... Вы знаете этого негра?

Гастон (*испуганно*) –Нет!..

Наташа - Мне показалось, что он вам поклонился.

Гастон-Это вам показалось. Он просто так ломается. Он, наверное, в вас влюбился.

Наташа - А скажите, вы давно знаете Шуру?

Гастон -Шуру? Какую?

Наташа -Танцовщицу.

Гастон -Да... то есть я видал ее очень часто... раза два.

Автор Попробовали танцевать, но в этой давке трудно было двигаться.

Негр, вытягивая шею, следил за ними. Он все время танцевал с молоденькой блондинкой, выламывая ее в разные стороны. И нельзя было разобрать, танцует он или просто дурит.

Наташа - Здесь ужасно душно. Пора домой.

Гастон - Посидим еще. Я вам сейчас принесу чудесный коктейль. Здешняя специальность. Вы только попробуйте. Умоляю вас! Я сейчас принесу...

Автор Он стал пробираться между танцующими.

Наташа вынула зеркальце, пудру, подкрасила губы. Заметила на платье пятнышко от вина и очень встревожилась. Платье принадлежало «мэзону» и было надето на нее, чтобы продемонстрировать его в Довилле во время обеда, не состоявшегося из-за ссоры Вэра с мосье Брюнето. Из-за этого пятнышка могут быть неприятности, особенно если патронша будет в дурном настроении.

Наташа - Ну сейчас не стоит об этом думать. Надо веселиться.

Автор Именно «надо веселиться», подумала она, и тут же почувствовала, что вовсе ей не весело, а только беспокойно, тревожно и пора все это кончить. Богатой англичанкой она себя не чувствовала, поддерживать это недоразумение было бессмысленно и скучно.

Наташа - Подозрительный Гастон оказался глупым и мало забавным. ..Кстати, где же он?

Автор Она стала искать его глазами и увидела за дверью, у лестницы, ведущей в бар. За его спиной стоял негр и, скосив глаза вбок, что-то говорил, нагнувшись близко, очевидно шептал.

Наташа - Значит он знаком с этим негром?

Автор Потом оба скрылись, должно быть спустились в бар.

Толпа танцующих немножко поредела. С улицы доносилось жужжание пускаемых в ход моторов.

Наташа открыла сумочку, чтобы отобрать деньги для такси. Подкладка оказалась мокрой: флакон духов раскупорился, и перчатки, платок и даже деньги оказались в зеленых пятнах от полинявшего зеленого шелка пудреницы.

Гастон (издалека)- Ну вот, попробуйте!

Автор Он нес, улыбаясь ямочками рта, два бокала оранжевого питья с торчащими из него соломинками. Один бокал поставил перед Наташей, из другого, выбросив соломинку, хлебнул большим глотком...

Гастон - Чудесно!

Наташа (попробовала кокт ейль)- Да, вкусно и даже не очень крепко.

Автор Оркестр играл «Ce n'est que votre main, madame».

Гастон (*смеясь, стал подпевать чуть-чуть хриплым, чувственным иственным голосом*) -«Madame, I love you!»

Автор Он наклонился близко, и Наташа чувствовала запах его духов, душный, глухой, совсем не знакомый и очень беспокойный.

Наташа - Если любить его, то от этих духов с ума сойти можно...

-А ведь вы разговаривали с негром?

Гастон (*продолж ая напеват ь*) – «And I will never in my life forget you»!

Наташа – Не слышит? Или не хочет ответить? Да и не все ли равно.

- Коктейль вкусный. Как он называется?

Гастон -Я знаю очень много вкусных вещей! Мы как-нибудь поедem с вами на один островок... довольно далеко. Там одна малаечка что-то вам покажет, чего у вас в Англии совсем не знают.

Наташа - Странный вы человек, Гастон Люкэ. Скажите мне, чем вы вообще занимаетесь?

Гастон - Вами. Я вами занимаюсь.

Автор Он взял ее руки и, смеясь, поднес к губам.

И тут она обратила внимание на его пальцы. Они были грубые, с маленькими плоскими ногтями, хорошо отделанными, но некрасивой формы. Но главное уродство, пугающее, как смутное воспоминание о каком-то страшном рассказе, — был далеко отставленный, несоразмерно длинный большой палец, почти доходящий до первого сустава указательного.

Наташа - Рука душителя...

Автор Она все смотрела и не могла отвести глаз, но смотрела исподтишка, словно, если он заметит, что «узнан», тут и произойдет нечто ужасное, чего она не знает и представить себе не смеет.

Он поднял бокал и сунул ей в рот соломинку:

Гастон -Ну, еще! Ну, еще! Вкусно! Весело! Чудесно!

Автор И беспокойный запах его духов вошел в нее как хлороформ, против которого каждый усыпляемый инстинктивно борется и которому сладко и безвольно покоряется, когда почувствует, что нет уже для него в жизни другого дыхания, кроме этого, нежеланного, единственного, блаженного.

Наташа (*смеясь*) - У вас странные руки! Я очень устала. Я сегодня ездила в

Довилль.

Автор Ей хотелось рассказать ему обо всем, чтобы вместе посмеяться над недоразумением с «богатой англичанкой». Но говорить было лень. От крепкого коктейля жилось сердце, кружилась голова и начинало тошнить.

Она вспомнила, что не обедала, что в ресторане только выпила шампанского.

Наташа - Надо скорее домой.

Автор Она приподнялась, но сейчас же опустилась на стул и чуть не упала. Цветные лампочки закачались, зазвенело в голове... Глаза закрылись, тошнота сдавила горло.

«Гук! Гук! Гук!» — глухо гукало что-то, не то барабан оркестра, не то ее сердце. Должно быть, сердце, потому что больно было в груди...

Гастон - Ну что вы! Что вы!

Наташа - Это Гастон. Милый мальчик!

Гастон - Даме немножко дурно. Коктейль был слишком крепкий.

Наташа - Кому он говорил?

Автор Наташа с трудом открыла глаза.

Наташа - Негр!

Автор Негр стоит около ее столика. Вблизи он маленький, с серыми, брезгливо распушенными губами.

Наташа - Невзрачный... Лакейчик!

Автор У него в руках Наташин пустой бокал.

Негр - Тогда не надо больше пить. Я унесу коктейль...

Гастон - Попробуйте встать. Здесь есть комнатка. Вы минутку полежите, и все пройдет.

Автор Он ведет ее. Ноги у нее движутся странно легко, но пола она не чувствует. Глаза не смеет открыть: чуть приоткроет — все зазвенит, закружится, и удержаться на ногах уже нельзя.

Гастон - Даме дурно!

Негр - Сюда, сюда...

Автор Ее несут...

Потом она чувствует упругое прохладное прикосновение к затылку и правой щеке, такое знакомое, простое, спокойное.

Мелькнули в глазах ярко-желтые бусы, длинной бахромой падающие откуда-то сверху, и жуткое, смертельно бледное, почти белое женское лицо с квадратно сложенным твердым полотенцем на голове.

Наташа - Потом острый, тонкий звон.

Потом... ничего.

Автор Сон без снов...

Наташа - Шорох, шепот... Что-то чуть-чуть пощекотало шею...

Автор Наташа с трудом открывает глаза и не совсем понимает тот сон, который вдруг видит. Снится ей розовый туман, снится негр. Он нагнулся над чем-то, что лежит на ночном столике... И еще кто-то спиной к ней, и она не видит его лица. Негр распялил губы брезгливой гримасой, что-то злобное сказал, звякнул чем-то... *(еле слышный разговор Гаст она с Негром)*

Гастон *(шепотом)* - Шют! Она смотрит!!!

Автор Лицо его Наташа не видела. Розовый туман не был неподвижен. Он плыл, мерцал... Мелькнуло ослепительно бледное женское лицо, с белым квадратным полотенцем на темени... Большая теплая рука легла на глаза Наташи... Но она все равно больше не могла бы смотреть. Шум, звон, плещущие искры заполнили мир, и тяжелые веки опустились прежде, чем закрыла их эта рука. Последнее, что почувствовала она, — был запах странных духов, как будто уже знакомых, таких душных, сладких, блаженных, что, теряя сознание, она улыбнулась им как счастью.

- Qui est-ce votre pere spirituel?

- Le chevalier de Casanova.

- Un gentilhomme espagnol?

- Non, un aventurier venitien.

Sonate ile Printemps. Valee Ivclan

«А кто ваш духовный отец?» — «Шевалье де Казанова» — «Испанский дворянин?» - «Нет, венецианский авантюрист». *«Весенняя соната а». В. Инклан*

Автор Какая бывает чудесная жизнь!

Наташа - Две дамы в малиновых платьях, длинных, твердых, широких, танцуют, жеманно подобрав юбки пальчиками.

Автор Под малиновым кустом сидит малиновый пастушок и играет на дудочке...

Наташа - Чудные, кудрявые, малиновые облака...

Автор А за ними малиновая лодочка, и в ней мечтательная дама в малиновом платье.

Наташа - Она опустила руку в воду.

Автор А перед ней малиновый кавалер в завязанных бантами подвязках читает что-то по книжечке.

Наташа - Какая счастливая жизнь!

Автор Подальше на островке два барана... Еще дальше — снова пляшут пышные дамы под свирель пастушка...

Наташа - Закрывать глаза и потом посмотреть повнимательнее...

Теперь все ясно. Это не жизнь. Это просто обои.

Автор Наташа повернула голову и увидела прямо перед собой лицо сегодняшней ночи: ослепительно белое женское лицо.

Наташа - Оно меньше, чем казалось ночью, и принадлежит гипсовому бюсту итальянки... Украшает камин маленькой уютной комнаты со спущенными розовыми шторами... Розовый абажур в желтых бусах на висячей лампе и на лампочке ночного столика...

Автор Кто-то засмеялся за стеной, и веселый женский голос быстро что-то

затараторил. (*Послышался звонок, мелкие шаги за дверью.*)

Наташа - Живой разговор...

Автор Все было так просто, как во всех маленьких отельчиках. Совсем не жутко. Наташа приподнялась и увидела, что лежит в платье, в сверкающем вечернем туалете, «креасион» мэзона «Манель».

Это было первое, что она ясно поняла. Она лежит в вечернем платье.

Наташа - Я смяла чудесное вечернее платье, которое должна сдать в полном порядке! Только этого не хватало!..

Автор От этого профессионального шока в усталой, одурманенной голове мысли задвигались — вспомнился весь вчерашний день, поездка в Довилль, шампанское в ресторане, Гастон, вечер, негр.

Наташа - Я напилась?..

Автор И вдруг вспомнились ночь, негр, шепот: «Она смотрит!»

Наташа - Рука...

Автор Наташа опустила ноги с кровати. Голова слегка кружилась.

Наташа - Что они смотрели на столике — негр и тот, другой? На столике лежали мой розовый жемчуг и сумочка. Больше ничего. Может быть, негр думал, что жемчуг настоящий, и хотел обокрасть меня?.. Где манто? На манто был дорогой мех!.. Украли! (*Она вскочила.*)

Наташа - О-о-о! Вот это действительно ужасно!

Чут ь не плача, обошла она комнат у

Наташа - Слава Богу! (*выт аскивая мант о*) Завалилось между кроватью и стеной... (*В дверь пост учали*)

Горничная – Мадам уже встала? Мадам хочет кофе? Я сейчас принесу.

Автор Она подбежала к окну и отдернула занавески.

Из окна видны были площадь, трамвай, набережная. Все такое простое, обычное. И горничная так приветливо улыбалась.

Наташа - Ничего, значит, особенного не произошло...

Автор А уж одну минуту мелькнула у нее мысль — не подсыпали ли ей чего-нибудь в коктейль...

Наташа - Может быть, даже и негр не приходил ночью... И все это был сон.

Автор Горничная принесла кофе с круассанами.

Наташа - У вас много жильцов?

Горничная - Да, с субботы на воскресенье многие здесь ночуют. Приезжают танцевать и остаются.

Автор Наташа спокойно выпила свой кофе.

Наташа - Хорошо, что сегодня воскресенье. Успею до завтра привести платье в порядок.

Автор Подошла к зеркалу, достала из сумочки пудру и карандаши. В другом отделении, куда она прятала духи, платок и деньги, были только духи и платок. Три стофранковых билета, оставшиеся от денег, присланных мосье Брюнетто в ресторан, пропали. В ресторане она их потерять не могла, потому что помнила, как здесь, в дансинге, заметила, что мокрая подкладка подкрасила их зелеными пятнами.

Наташа - Значит, они пропали здесь...

Автор Она открыла еще раз отделение, где были карандаши и пудра, и нашла полтора франка, смятые комочком. Это были ее собственные деньги, которые она везла из Довилля.

Наташа - Кто?.. Негр? Гастон? Или тот, другой, чье лица я не видела?.. Да ведь это, пожалуй, и был Гастон... Жалко денег!.. Вот и повеселилась «богатая англичанка»! Значит, и им тоже несладко живется. Хорошо еще, что не задушили. Надо будет нарочно пойти когда-нибудь на Монмартр, в тот ресторан, и посмотреть этому Гастону прямо в глаза.

Автор Какой от этого будет толк, она себе ясно не представляла. Спросить про деньги все равно не решится...

Из трамвая выпрыгнул элегантный молодой человек и стал переходить

площадь. Приблизившись к отелю, он поднял голову и обвел глазами окна.

Наташа - Гастон!..

Гастон. Идёт, очевидно, сюда, в отель. Как же он осмелился?..

Автор Она накинула свое чудесное манто и вышла в коридор. Гастон поднимался по лестнице. В полутемном коридоре плохо видно было его лицо.

Гастон - Как я рад, что вы встали!.. Я ужасно беспокоился. Все думал, что это, может быть, от коктейля вам стало плохо. Но ведь все прошло? Правда?

Наташа - Горничная могла стащить деньги...

Автор У него были мягкие свежие губы, и он так ласково держал ее за руку.

Гастон - Мы непременно здесь позавтракаем! Я специально для того и приехал, чтобы угостить вас уткой с апельсином. Это здешняя специальность. Посидим на балкончике, посмотрим на публику и чудесно позавтракаем. А потом я вас сам отвезу домой.

Наташа - Какой противный вчера был негр...

Гастон - Негр? Негр дрянь: он остановил меня, когда я вчера шел вам за коктейлем, и болтал какую-то ерунду, что вы не англичанка, и всякий вздор. Я его оборвал сразу. Он совсем дрянь. С ним не надо кланяться.

Наташа - Да я и не собираюсь.

Автор Они вышли на веранду, где уже начался завтрак.

Наташа - Чудесный солнечный июньский день, такой веселый, радостный, будто сам смеётся...

Автор Прошла какая-то экскурсия, вероятно общества приказчиков, с трубами и барабанами, украшенными вялыми цветами. Приказчики приостановились и дикими звуками исполнили марш из «Фауста», которого почти никто из слушателей не узнал.

По реке широким лебедем проплыл белый пароход...

Наташа - Сказать про деньги или не сказать? Жулик он или не жулик?..

Гастон - Я знаю, о чем вы думаете. И отвечу вам прямо «да».

Наташа - О чем же я, по-вашему, думала?

Гастон - Обо мне.

Наташа - Но что именно?

Гастон - Ага, значит, признались, что обо мне. Мне только этого и надо было. Так вот, повторяю снова — «да». И прибавлю— «безумно».

Наташа - Какой он, однако, слава Богу, болван.

Автор Но с ним, с болваном, было весело. Жизнь делалась забавнее и занятнее, если смотреть на нее вместе с веселыми глазами Гастона. Днем тягучие и душные его духи чувствовались меньше, легче, не беспокоили и не тревожили.

Гастон - Вам нужно чуть-чуть желтее розовое для щек. О, нет, только не «мандарин»¹. Есть такой. Я вам привезу. И ногти чуть-чуть розовее и непременно длиннее. Ваш жанр должен быть всегда немножко «чересчур». Понимаете? Надо непременно выработать жанр. Вы только никогда не подходите к испанке — шаль, гребенка... Это к вам очень пойдет, но сразу делает банальной. Золотые ногти? Это вам бы пошло, если бы их никто не носил, а вы сами бы выдумали. А теперь уже нельзя. Вы должны быть всегда особенной. Я для вас все придумаю.

Наташа - Он страшно мил.

Автор Подали счет.

Он взял ее руку и несколько раз поцеловал мягко и ласково.

Потом вынул две стофранковые бумажки и сунул их под сложенный на тарелке счет.

На уголке бумажки, торчавшем из-под счета. Наташа ясно увидела зеленое пятно.

Все что угодно... но уже не вор, не вор окончательно, ибо, если бы вор, то наверное бы не принес назад половину сдачи, а присвоил бы и ее...

Ф. Дост оевский. «Брат ья Карамазовы»

Автор Гастон остался растерянный и искренне удивленный, когда Наташа холодно отказав ему в просьбе проводить ее, села одна в такси.

Наташа - Украл? Ясно, что украл. Но почему же так беспечно вынул эти деньги при мне? Или потому, что не знал, что на них моя зеленая отметина? И еще — почему если украл, то не скрылся, а, наоборот, сам пришел и на меня же эти деньги истратил? Что он все время бестолково и глупо врет — это ясно. Но врет как-то по-мальчишески, так что если поприжать его, то наверное сразу засмеется и признается. Кто он? Что за человек? Пожалуй, надо было рассказать ему о том, что деньги пропали. Решиться, да так, как в прорубь головой. Да, впрочем, никакой и проруби не вышло бы, отоврался бы как-нибудь...

Автор На другой день, в унылый дождливый понедельник, в мастерской мадам Манель настроение было сгущенно-электрическое, как перед грозой.

Манекен Вэра отсутствовала. Была больна. Мосье Брюнето зарылся с головой в счетные книги. Сама мадам не показывалась, только развила усиленную телефонную деятельность. Через дверь ее бюро доносилось непрекращаемое «алло-алло». Это был безошибочный признак дурного настроения.

Наташа - Клиенток мало... Понедельник — день тихий.

Автор Наташе пришлось показывать на себе купальные костюмы. Показывать их надо не так, как обычные салонные или спортивные платья. На все нужна своя сноровка.

В салонном платье манекен идет маленькими шажками. Если на ней юбка с оборкой, делает быстрые повороты, чтобы оборки «жили, играли». Если широкий рукав — приподнимает руку.

Пройдясь полукругом, манекен обыкновенно отходит в глубину комнаты и оттуда, не оборачиваясь, решительно и смело идет прямо на клиентку. У некоторых манекенов этот последний маневр принимает иногда чрезмерно вызывающий характер. Одна простая русская душа, любуясь мадемуазель Вира на этом маневре даже струсила.

Клиентка - Ой, батюшки!..Чего же это она так? Ну прямо точно в морду дать хочет!

Автор Спортивные платья показываются юно, свежо, по-мальчишески. Уперев руку в бедро, поджав живот.

Купальный костюм требует купальных поз, сжатых колен, откинутой фигуры.

Наташа сидела в душной комнате, где кроме нее вздыхали, потели и переодевались шесть молодых женщин в одинаковых телесно-шелковых чулках и казенных золотистых туфлях, которые ко всему подходят.

Двери в коридор были открыты, но сновавшие там рассыльные мало смущали голых красавиц. Профессиональная привычка, шокировавшая только новеньких, и то недолго.

День шел нудный, тягучий, и ничто не мешало бестолковым переборам в Наташином мозгу.

Наташа - Если вор, то почему пришел, почему украденные у меня деньги на меня же истратил?.. Почему наврал, будто негр говорил, что я не англичанка? Чтобы выпытать, кто я? Но ведь он же ни разу и не спросил об этом.

...Во всяком случае, думать тут нечего. Денег не вернешь, а от этого темного типа подальше.

Автор И конечно, лучше бы не думать и от темного типа подальше, но одна из голых девиц, влезая в пеструю турецкую пижаму с заходящим солнцем на поясице, вдруг запела: — «Ce n'est que votre main, madame».

Наташа - Это то, что напевал Гастон. Он напевал по-английски:

— «J kiss your little hand, madame».

Голос у него был чуть-чуть хриплый, странный, очень чувственный. И ямочки у рта смеялись, и глаза смеялись и говорили: вот такая забавная штука! Вот попробуй-ка не почувствуй моего хриплого голоса! Ага! Вот и попалась!

Автор Она охватила спинку стула и опустила лицо в мягкую душистую складку согнутой руки. От этого телесного нежного ощущения и от тихого на-

пева «той» песенки ей стало так невыносимо беспокожно, что она чуть не застонала.

Наташа - Нужно все это разузнать, иначе я не успокоюсь!.. Но пойти на Монмартр совсем невыносимо. Спросить у Шуры, танцовщицы, что она о нем знает? Но где достать адрес Шуры? Монмартр вычеркивается... Пойти разве к баронессе?

Le fleuve ne suit pas d'autre voie que la sienne. Paul Fort

Укаж дой реки т олько своё русло. Пол Фор

Автор Баронесса фон Вирх, или попросту Любаша, когда-то училась пластическим танцам и с тех пор поддерживала знакомства в балетном мире. Особенно во время междуцарствия, то есть когда она оставалась без богатого поклонника, ее всегда тянуло в богему.

Наташа - Как раз дня три тому назад я слышала от мосье Брюнето, что баронесса не оплатила уже три счета. Значит, дела в упадке и богема в моде. Можно узнать о Шуре.

Автор Баронесса фон Вирх была самая настоящая баронесса, вышедшая замуж еще до войны за молодого представителя богатого дворянского рода барона Григория Оттоновича фон Вирх. Прошлое баронессы до Вирха, как история мидян, было «темно и непонятно». Говорили, будто она была несколько раз замужем, начала свою карьеру хористкой, а так как в точности никто ничего не знал, то и врал о ней каждый в соответствии своего к ней отношения.

Возраста ее не могли определить даже приблизительно. И скрывался он тщательно. По этому поводу рассказывали забавный анекдот (который, впрочем, относили иногда и к другим интересным дамам).

В период бегства из пределов Совдепии и хлопот о пропусках большевики опрашивали Любашу. Спросили, между прочим, о ее возрасте.

- Ну, это дудки,- решительно ответила она.- Этого вы от меня никогда не добьетесь. Можете, если хотите, расстреливать.

Сплетник - На вид ей было не больше тридцати, тридцати пяти...

Сплетница – Да что Вы! Клянусь Вам, что у нее в Харькове сын большевистский комиссар. К тому же ещё замужняя дочь и взрослые внуки.

Автор Вообще — говорили много.

В эмиграции барон за бедностью и полной ненужностью ступался. Где-то что-то работал весьма неопределенное.

Сплетник - Он заведовал чьим-то образцовым курятником, потом копил рыбу.

Сплетница – Нет! Он точил гайки в граммофонной мастерской, а затем служил как chef de reception в русском ресторане.

Автор У жены появлялся редко, и почти никто из баронессиных завсегдаев с ним не встречался. Но отношения у супругов сохранились хорошие, товарищеские, и если условия сложного баронессиного быта позволяли, а печальные условия барона того требовали, то он иногда водворялся на несколько дней в ее элегантном особнячке.

Сплетник - Ему стелили на диване, и он, как собака, целый день так и сидел на этой подстилке. (*сплетница смеёт ся*)

Автор В Париже баронесса известна была под именем Любаши. К ней относились хорошо и успехам не завидовали.

Сплетник - Вероятно, ее ослепительная красота даёт ей право на всякие радости жизни...

Сплетница – Да!.. И на всякие пути к этим радостям... Но забавнее всего, что среди подруг она считается умной женщиной, тогда как если надо было бы установить исходное мерло глупости, то лучше и определеннее Любаши найти невозможно. Можно, к примеру, сказать: «Глупа, как две Любаши».

Сплетник – Или: «Чуть-чуть умнее Любаши».

Автор Это не значит, что она была образец глупости какой-либо исключительной. Нет, глупость ее была именно явлением той божественной пропорции,

классически цельной и полной, какая в науке может быть взята за единицу.

Сплетник - Считается она умной, вероятно, потому, что строит свою жизнь на четырех правилах арифметики. Два из них — сложение и умножение — считает хорошими и к ним стремится. Два — вычитание и деление — устраняет всеми силами. А силы большие, и все в ее красоте...

Автор В Париже Любаше устроиться удалось не сразу. Барон жерновом на шее тянул ее книзу. Приходилось выкручиваться. Была продавщицей в модной мастерской, но иностранных языков не знала и карьеры не сделала и ушла, прихватив мужа хозяйки.

Стала учиться пластическим танцам, выступила несколько раз в ночном ресторане и ушла, прихватив богатого американца.

Сплетница - Умная баба. Вот как надо жить!

Автор Но урок этот мало кому шел на пользу. Большинство Любашинных приятельниц и без этого урока старались устраивать жизнь по четырем правилам арифметики, но, не имея главного слагаемого — ее чудной красоты, — проваливались.

Сплетник - Знает ли о ее похождениях барон?

Сплетница – О! Этот вопрос многих интересует...

Сплетник - Трудно ничего не знать и не понимать, видя ее жизнь, туалеты, квартиру, автомобиль.

Сплетница -Ведь эдакий дурак!

Сплетник - Дурак-то он дурак, а, впрочем, кто его знает...

Сплетница – Она, значит, что-нибудь навирает, а он, значит, делает вид, что верит.

Сплетник А впрочем, не все ли равно. Кому какое дело?

Автор Она была мила, приятна, любезна, когда могла — давала на благотворительность. На ее больших вечерах бывали очень видные представители русской эмиграции, которых она знакомила с лысыми французами с розетками в

петличках.

— Notre celebre, — говорила она о каждом, — о русском и о французе, и обоим им было приятно, что его называют celebre, и лестно, что знакомят с celebre, размера celebre которого он в точности не знал...

А баронесса угощала хорошим русско-французским ужином и очаровательно картавила, как большинство наших эмигранток, постигших французский язык уже по приезде во Францию.

Все это было чудесно, а больше никому ничего и не требовалось.

Чтобы побывать у Любаши, Наташе пришлось дожидаться до среды, своего выходного дня, потому что баронессу легче всего застать было днем.

На звонок открыла маленькая востренькая дамочка на тонких ножках, на скривленных каблучках — придворная Любашина маникюрша Анфиса Петровна, по прозвищу Фифиса.

По тому, что открыла дверь Фифиса, а не горничная, Наташа сразу поняла, что в предположениях не ошиблась и что у Любаши временный крах.

Фифиса – О! Мадмуазель...

Любаша (*из гост иной*) Кто там, Фифиса?

Фифиса - Свои, свои, не пугайтесь!

Автор Наташа вошла.

На широком низком диване, вся зарывшись в золотые подушки, высоко перекинув нога на ногу, полулежала розово-золотая хозяйка дома.

В белом атласном халатике, отбросив широкие рукава так, что видны были до плеч ее сверкающие круглые руки, закинута за пушистую сияющую белокурую голову, тонкая, но не худая, с легкими ямочками на щеках, на розовых локтях, она казалась солнечным лучом, брошенным на эти золотые подушки, и иными словами, как «сверкает», «сияет», «слепит», о ней и говорить было нельзя.

Рядом на креслах расселся ее двор, выползающий на свет Божий только в

черные дни, когда поклонников не бывает и гостей не принимают: длинновязая, гололобая, с неистовыми жестами и почему-то в вечернем туалете без рукавов — перекупщица старого платья Луиза Ивановна, прозванная Гарибальди за то, что любила рассказывать, как ее тетка видала знаменитого итальянца. Рядом с ней — широкая, костистая, с крашеными волосами, ломко и сухо вьющимися, как австралийский кустарник, бровастая гадалка Марья Ардальоновна, называемая для краткости просто Мордальоновной.

Вообще в этом кружке все были известны больше по прозвищам, чем по настоящим именам.

Тут же уместилась и известная нам Фифиса.

Мордальоновна, по-видимому, только что кончила гадать, потому что, задумчиво помуслив большой палец, медленно перебирала шелковисто-сальные зловещей величины карты. На кокетливом столике лежала развороченная масляная бумага и в ней остатки ветчины и крошки хлеба. Судя по виду, ветчину не резали, а прямо драли руками. Да и прибора на столе никакого не было.

Тут же стояло штук шесть запечатанных фарфоровых баночек с каким-нибудь, должно быть, снадобьем для красоты.

Вообще беспорядок в комнате был изрядный.

На креслах разложены платья, манто и шелковые тряпки, на полу раскрытые картонки, на столе окурки, на пыльной крышке рояля две пустые бутылки и стакан.

Любаша - Марусенька! Не купите ли крема?

Наташа - Я теперь Наташа.

Любаша - А, да, я и забыла! И чего это они вам, словно собакам, клички меняют?

Наташа - Теперь мода на Наташу и на Веру. В каждом хорошем мэзоне должна быть Наташа, русская княжна.

Любаша - А у вас какая-то перемена. Волосы отпустили? Нет. Просто у вас

сегодня есть какое-то выражение лица.

Мордальоновна - Ох, уж и скажут тоже! Точно у них всегда лицо без выражения!

Наташа - Однако, и хаос у вас!

Любаша - Ужас, ужас... *(повернувшись к Гарибальди)* Ну-с, ангел мой, за манто меньше шестисот я не позволяю. Если в один день сумеешь ликвидировать, то есть принесешь деньги завтра, то, так и быть, валяй за пятьсот. Ведь оно совсем новое, от Вионэ, и марка есть. За черное платье — триста, за зеленое — двести пятьдесят. Но только — живо!

Гарибальди - Ах, *comme vous etes!*¹ Ваши платья продавать — это, как говорится, совсем *pas facile*. Они слишком *habillees*. Бедным дамам такие не пригодятся, а *dames du monde*"¹ ношеного не купят.

Любаша - Ну, ну. Очень даже купят. Убирайте все это барахло. Ко мне скоро придут. *(Гарибальди ст ала складыват ь плат ья в карт онки.)*

Мордальоновна - А какой они национальности?

Любаша - Н-не знаю. По внешности, пожалуй, вроде еврея.

Фифиса - Не в том дело, что еврей, а в том, какой еврей. Если польский — одно, если американский — другое.

Мордальоновна - Ну-у?

Фифиса - Польские в Париж надолго не приезжают. Уж я знаю, что говорю, у них деньги плохие, пилсудские деньги. И родственников у них много, и семейство всегда большое. Польские евреи — это самые женатые изо всех. Вот американский — это прочный коронный мужчина. Он как сюда заплывет, так уж нескоро его отсюда выдерешь. Американский — это дело настоящее. А он на каком языке говорил-то?

Любаша - По-французски.

Фифиса - Ну тогда, значит, американский.

Мордальоновна - Я на него карты раскладывала. Выходило, будто приезжий

и будто большие убытки потерпит. Хорошая карта.

Любаша - Ты, Мордальон, смотри не уходи. Ты непременно должна ему погадать. Нагадай, что в него влюблена блондинка и что ее любовь принесет ему счастье. Поняла, дурында?

Наташа - Погадайте на меня.

Мордальоновна - Извольте. Снимите левой рукой к себе. Задумывайте...

Автор Огромные, разбухшие карты шлепались на стол мягко, как ободранные подметки.

Любаша - Если не продадутся платья, я у Жоржика попрошу денег. У Жоржика Бублика, он мне всегда достанет.

Автор И вдруг весь курятник забил крыльями.

Фифиса - Мало вам того, что было! Триста франков даст, а тысячу унесет...

Гарибальди - Часы-браслет...

Мордальоновна - Его помелом гнать!

Фифиса - На кого надеяться!..

Гарибальди - Парижский макро! Саль тип!

Мордальоновна - А еще умная женщина!

Любаша (*искусст венно равнодушно*)- Это еще не доказано... Еще не доказано, что он унес.

Фифиса - Да чего же вам еще! Все пошли в столовую закусывать, а он тут остался фантазировать на рояле, вот здесь. А дверь в спальню открыта, и на столике часы-браслет. Отсюда, от рояля, отлично видно. С бриллиантиками, все их знали. И вдруг и пропали. На Жанну думали. А вся прислуга в один голос на него говорит. Под суд бы его сразу.

Любаша - Ах, оставьте! Если бы его стали допрашивать, он бы со злости такой ушат мне на голову вылил, что дорого бы мне эти часы обошлись.

Мордалоновна - Ну, знаете, этого бояться, так, значит, ни на кого жаловаться нельзя?

Любаша - Жалуйтесь, если вам нравятся скандалы, а я замужняя женщина и дорожу своей репутацией.

На одну секунду воцарилась тишина. Не только все молчали, но даже не шевелились. И вдруг маникюрша будто даже испуганно сказала:

Фифиса – Ой!

Автор - И это «ой» прорвало заслоны.

Так, готовая к линчеванию толпа иногда не может приступить к делу, не хватая ей какого-то возгласа, жеста, чего-то логического или, вернее, художественного — потому что во всех массовых движениях есть свой тайный художественный закон: не хватает этого «нечто», что дает возможность перейти от настроения к делу.

И вот это «ой» — двинуло.

Первая взвизгнула Гарибальди. Визгнула, выскочила на середину комнаты и согнулась от смеха пополам. За ней раскатилась гусиным гоготом Мордальоновна, заохала маникюрша, затряслась от смеха Наташа и сама хозяйка, минутку задержавшись прыснула и повалилась на диван, дрыгая ногами от смеха.

Мордальоновна - Ой, не могу! Ой, не могу!

Автор Они заражали друг друга смехом, и кто уже было успокоился, подхватывался общей волной. Длинная Гарибальди, оставаясь посреди комнаты, истерически топала ногами, и все увидели, что башмаки у нее «с чужого плеча», огромные и плоские и загибаются носами, как у Шарло Чаплина. Мордальоновна лежала головой на столе.

И вот на этот визг и вой отворилась дверь, что около рояля, дверь, ведущая в спальню, и оттуда вышел некто, кого Наташа еще ни разу здесь не видела.

Это был высокий костлявый человек, лучше бы всего назвать его «верзилой». Лицо у него было скуластое, и с круглых этих скул, как с гор вода, стекала жидкая русая бороденка, стекала и закручивалась сосулькой на подбородке. Нос, толстый, неровный, торчал, как задранный кулак, над недоуменно

приоткрытым ртом.

Одет верзила был в потрепанную непромокайку и шляпу держал в руках. Очевидно, собирался уходить.

Войдя в комнату, где все хохочут, он сначала растерянно оглянулся, потом неожиданно закинул вверх голову и закатился беззвучным смехом, странным, судорожным, словно зевал. Бороденка тряслась, и сам он был трагически смешон, с закрытыми глазами, с задранной носом, с отвалившейся нижней челюстью...

Любаша- Грива! Маруся... Прости, Наташа! Вы разве не знакомы? Мой муж, Григорий Оттонович, барон фон Вирх Грива! Закрой рот!

Наташа -Хохочет, не зная почему, а все-то кругом знают, что тема общего веселья крайне деликатная и именно для него отнюдь не веселая.

Автор Потом Наташа пожала ему руку, и его маленькие сонные глаза мутно скользнули по ее лицу.

Барон - Ну, я пошел.

Любаша - Ладно, голубчик. Ну поцелуй Люле ручку и иди.

Автор Он нагнулся к ней, и, когда целовал ей руку, она что-то шептала ему на ухо. Он ослабился и пошел к двери.

Наташа – Тяжелое впечатление...(*Мордальоновне*) Ну погадайте же!

Мордальоновна -Да разве тут дадут. (*шлепнула карт ами и зат янула певучим, как все гадают , голосом*) Ну вот... Что хотите знать, того не узнаете... так, так... три шестерки... дорога будет... И путаница большая. И так выходит, что будете вы по воде к себе домой возвращаться...

Наташа - В Россию, что ли?

Мордальоновна А все-таки скажу, бойтесь воды. Ух, бойтесь, бойтесь воды!

Любаша - Бойся воды и пей шампанское. Ну, господа, нашли тоже время гадать! Ко мне сейчас придут, тут не убрано — это прямо невозможно! Смотрите — жрали ветчину, и так все и валяется... Мордальоновна, принесите из кухни тряпку. Где счета от портнихи? Надо счета положить на стол. Фифиса,

посмотрите, нет ли в спальней. От Манель. Что?

Фифиса - Да я говорю, что неловко так сразу, первый раз человек пришел, и вдруг сразу и счета на столе. Поймет, что нарочно приготовили.

Любаша - Ну что там дурак поймет!

Фифиса - Дурак! А коли не дурак?

Любаша - А не дурак, так тем лучше. Сразу увидит, чего от него ждут. Ну, живо!

Автор Работа закипела. Мордальоновна покорно и даже как будто испуганно вытирала стол, мела пол, дула на крошки. Фифиса носилась вихрем на своих тонких ножках. Никто уже не шутил и не смеялся. Все понимали, что с забавами и хихиканьем покончено, что надо готовиться к приступу, чтобы враг не застал врасплох.

Теперь стойте крепко, - сказал капитан, - будет приступ.

А. Пушкин «Капитанская дочка»

Автор Работа закипела. Любаша, с лицом сосредоточенным и сразу до неузнаваемости постаревшим, руководила работами. Ее выслушивали почтительно, забыв о всякой фамильярности.

Фифиса - Мне как же, надеть передник?

Любаша - Да, пожалуй, лучше в переднике. Если найдется чистый... И когда впустите, попросите подождать и пойдете мне доложить. Поняли?

Фифиса - Поняла-с.

Любаша - А Мордальоновна будет здесь сидеть с картами. Счета нашли?

Фифиса - Здесь-с. Вот я на столе положила, как приказали.

Наташа (*вст авая*) – Я ухожу. (*идет, ост анавливают ся*) Да, я ведь пришла спросить — не знаете ли вы адрес Шуры Дунаевой? Танцовщицы.

Любаша - Ах, Шуры-Муры? Господа, кто знает адрес Шуры-Муры?

Фифиса - Я знаю. Они обе живут в отельчике на Клиши. Улица Клиши, номер пятый.

Наташа - Спасибо.

Автор Наташа подошла к Любашс, чтобы поцеловать ее на прощанье.

Любаша – Прощайте, дорогая...Ах, Боже мой! Вино забыли! Фифиса, беги скорее за порто. Бутылку порто. Нет, внизу больше не дают. Беги через улицу и купи на деньги. И возьми бисквитов. Мордальоновна, приготовь стаканчики, да живее! Он каждую минуту может прийти. Фифиса! Вот тебе деньги.

Автор И в то время как Наташа, чувствуя, что мешает, и торопясь уйти, целовала ее в щеку, она вынула из сумочки единственный бывший в ней денежный знак - сложенную вчетверо стофранковку— и протянула ее Фифисе. Рука ее, сверкая огромным бриллиантом кольца, была мгновение так близко от лица Наташи, что ошибиться Наташа никак не могла. То, что она увидела, было ясно и показаться не могло: она увидела на сложенной вчетверо стофранковке яркое зеленое пятно.

Наташа особой любовью среди своих приятельниц не пользовалась.

Сплетница – Глуповата.

Сплетник – Неинтересная... Ничего не обещающая.

Автор Прозвище, которое к ней приклеили и о котором она, к счастью для себя, не догадывалась, хорошо определяло отношение к ней.

Сплетница - «Восточная кобылица». *(смех)*

Автор На лошадь она, между прочим, совсем не была похожа: среднего роста, стройная, с движениями легкими и мягкими, с лицом совсем уж не лошадиным, недлинным, с темными тихими глазами. Но, странное дело, прозвище это все-таки подходило к ней. Может быть, определяло какой-то душевный склад ее. Объяснить это трудно. Так, например, почему одному человеку «идет» имя Александр, а другому Сергей? Чем вы это объясните? Какие данные и приметы должны быть у того и у другого? Как определить? А между тем это так.

Красивой Наташу признавали все. Но нравилась она мало кому.

Сплетник - Неинтересна.

Сплетница - Скучная.

Автор И действительно, ей было на свете скучновато. Точно всегда была она не на своем месте. В буржуазном обществе чувствовала себя богемой, в среде богемы сжималась и смущалась.

Сплетница – Есть в ней что-то стародедовское.

Сплетник - Хотя во время революции была она месяца три замужем за бывшим помещиком.

Автор Во время эвакуации они потеряли друг друга, да Наташа и не горевала об этом. Не по легкомыслию, а потому, что в то безумное время многие так истерически сходились от страха одиночества, от предсмертной тоски, когда нужно, чтобы был хоть кто-нибудь, кому можно сказать:

Наташа - Мне страшно!

Автор И можно сказать:

Наташа – Прощай.

Автор Находили друг друга не ища, сходились, расходились, и, уходя, ни один не смотрел вслед другому...

После мужа были у Наташи романы, короткие и скучные, и ни один из этих случайно подошедших к ней людей не искал тепла, близости душевной, ни один не рассказывал с грустью и нежностью о годах своего детства, не каялся со сладким стыдом в былых увлечениях. К близости с ней относились как к остановке на маленькой почтовой станции. Едет человек на перекладных, ждет, пока перепрягут лошадей, и знает, что сейчас же и дальше. Так не распаковывать же на такой короткий срок своих чемоданов!..

Недолгие, скучные романы несколько обедов в ресторане, несколько дансингов, несколько театров. И всё.

Любовник - Мы будем переписываться...

Наташа -Вы меня не забудете?

Любовник - Ни-ко-гда.

Автор Они уходили, и она не вспоминала о них. Даже во сне.

Выйдя от баронессы, Наташа пешком пошла домой. Шла медленно, останавливаясь, так билось сердце, что даже тошнило.

Наташа - Это уж прямо психоз... Я всюду вижу эти зеленые знаки. Точно какой-то авантюрный роман. Тайна зеленого пятна... Но все-таки — в чем же дело? Допустим, что Гастон взял тогда мои деньги, и я видела у него свою бумажку. Но как могла попасть такая же бумажка к Любаше? Случайно тоже запачкалась в зеленую краску? И случайно два точно таких же пятна — одно широкое, круглое, другое длинной полосой... Уж очень была бы удивительная случайность. Прямо чудо.

Автор Но не могла же она спросить у Любаши — откуда у нее эта бумажка.

Наташа - Совсем был бы идиотский вопрос. Если бы можно было рассказать всю субботнюю историю, тогда и спросить было бы вполне естественно. Но рассказывать нельзя. Поехала черт знает с кем, напилась и ночевала в каком-то притоне. И после этого еще завтракала с этим самым типом! Все эти Любаши, наверное, проделывают вещи и похуже, но уж конечно никогда об этом не рассказывают.

Автор Нет, ничего рассказать нельзя, и про странную стофранковку тоже спросить нельзя. Потом все, наверное, выяснится.

Наташа - А теперь остаётся одно: разыскать Шуру и спросить, что она знает. Шура милая и простая, может быть, ей можно будет рассказать... Уж если кому — так именно ей одной.

Автор Дом, где жили Шура-Мура, Наташа искала недолго. Это был парижский отельчик, населенный почти сплошь русскими, такой для русского гнезда типичный, что и на номер смотреть не нужно, и так ясно.

Из окна второго этажа, крутясь, спускалась на веревке бутылка, остановилась около окна первого этажа, и раздался звонкий женский голос:

Жилица - Марфа Петровна! Плескните уксуску! Томаты заправить. Не

могу в коридор выйтить, я на дверь записку нашла, что меня дома нет. Ведь кусок проглотить не дадут... А, Марфа Петровна?

Автор А из окна первого этажа толстая голая рука ловила бутылку.

По узенькой крутой лестнице-винтушке Наташа стала подниматься. Всюду неплотно прикрытые двери и из щелей — любопытные носы, тараканьи усы, острые глаза, шорохи, шепоты, детский рев и громкие споры самого интимного содержания. Кое-где на дверях записочка:

Наташа (*читает*) - «Ключ под ковриком». «Маня, подожди Сергея». «Ушла за телятиной, твоя до гроба».

Автор А на двери, за которой громче всего галдели и стучали вилками, — лаконическое и суровое:

Наташа - «Дома нет».

Автор Лестницы в таких отельчиках всегда вьются так круто, что поднимающемуся кажется, будто он видит свои собственные пятки. И все время бегают по этим лесенкам жильцы, то вниз в лавочку, то друг к другу за перцем, за солью, за спичками.

Шныряют по лесенкам и торговые люди с корзинками и пакетиками, предлагают за 20 франков чулки...

Жилица - Которым настоящая-то цена 60!

Автор - Либо флакончик духов неопределенных запахов за восемь франков.

Жилец -Вместо сорока!

Автор Носят и копченую рыбу...

Жилица - Вроде нашего сига.

Автор И в той же корзинке крепдешины...

Жилица - Каких в магазине вам и не покажут!

Автор Наташе повстречалась приятная конопатая скуластая рожа с узлом в руках и, смущенно улыбнувшись, предложила:

Жилец - Не желаете сукенца хорошего?

Автор И, уже спустившись на несколько ступенек, прибавил совсем безнадежно и единственно в силу коммерческой техники:

Жилец - Есть отрез на брюки...

Автор Сверху перегнулся кто-то через перила и крикнул:

Жилец - Если вы к Саблуковым, то они просили обождать.

Автор А из двери высунулся любопытный нос и спросил:

Жилец - Да вы к кому?

Наташа – К Шуре и Муре.

Жилица (*из другой двери*) - Так ведь они, кажется, уезжают

Жилец (*эт аж ом ниж е*)- Это танцовщицы-то? Нет, они должны быть у себя.

Автор Из той двери, где «никого не было дома», тоже высунулся кто-то и что-то посоветовал...

Наташа поднялась на пятый этаж и постучала. Встретили ее радостным визгом. Визжала Шура. Мурка выразила свою радость улыбкой и еще тем, что немедленно освободила один из двух стульев, составлявших меблировку комнаты, от наваленных грудой кисейных юбок, галунов и шарфов, и подвинула его Наташе.

Шура - Наташа! Уезжаем! Контракт на пять городов... В меня влюблен голландец... Ни слова ни на каком языке... Какая ты красавица! Кто тебе дал мой адрес?

Наташа - Адрес я достала у Любаши Вирх.

Шура - У Любаши? Правда, какая красавица? И, заметь, ей больше шестидесяти... Видела кольцо? Бриллиант? Это ей подарил какой-то раджа или хаджа. Дивный! Подарил с условием, чтобы она его только дома носила... Мурка, есть у нас молоко? Да, только дома. А то если родственники увидят, так сейчас начнут судиться и отберут. И закладывать его нельзя — тоже родственники отберут. Богатейший этот ханжа. Мурка, есть молоко? Нужно ее кофе напоить.

Автор Наташе нравилось у Шуры. Грудами наваленные на постель костюмы

— все кисея, тюль, блески. На полу у камина грелся на спиртовке маленький утюжок. На стенах открытки, изображающие Шуру и Муру в балетных позах, таких диковинных, что не сразу разберешь, где рука, где нога.

На камине, прислоненный к зеркалу, тускло поблескивал почерневшей ризой образ Казанской Божьей Матери. Рядом два поменьше — Николая Чудотворца и Пантелеймона. Тут же — пестрое пасхальное яйцо и пучок сухой вербы.

Перед иконами — коробочка с пудрой, румяна, карандаши для губ и бровей.

Наташа Что поделаешь — места другого нет, да и зеркало одно, а пудра и румяна в их ремесле вроде как бы соха для пахаря — нужна и благословенна.

Автор Русские артисты вообще народ очень набожный. Довольно дикое впечатление производит на постороннего человека какой-нибудь степенный старый актер, который, стоя у кулис, зажмурит глаза и сосредоточенно шепчет молитву. И вдруг, осенив себя истовым широким крестом, выскочит курбетом на сцену и залепечет фолишонным голоском:

Актер - А вот и папашка! Ку-ку! А вот и папашка! (*аплодисменты*)

Автор Для актеров же это вполне естественно.

Что же, разве не близки они в этой наивной вере в значительность своего искусства трогательному легендарному жонглеру, который даже такой малый дар, как способность ловить мячики, счел достойным для жертвы Мадонне?

Шура и Мура были похожи друг на друга, хотя даже не родственницы. Обе смуглые, немножко испанского типа — каких только типов не взращивала благодатная русская почва! Мура повыше, посуше, часто выступала в мужском костюме. Она хорошо знала языки, вела всю деловую переписку, а также отвечала на письма иностранных поклонников, и своих, и Шуриных.

Шуры-Муры были милые девочки. И трогательны были эти их легкие, пышные юбочки, блестящие и пестрые, как крылья райских птичек, и утюжок, и кастрюлька, и чулки, сваленные в раковину умывальника, очевидно для стирки, и все эти перья, пряжки, и картонная кукла-пупс, наряженная в балетную юбку,

тоже на камине, но отставленная подальше от образов, где, темен и строг, сквозил в прорезы оклада лик святого. Темен и строг, но приподнятая черная рука его прощала и благословляла.

Шура - Дадим ей кофе...

Автор Она усадила Наташу и стала перед ней на колени

Шура - Ну, теперь я тебе расскажу. Этот голландец... на этот раз все это очень серьезно. Понимаешь? Очень. Это уже настоящее.

Автор Личико у нее стало вдруг восторженно-печально.

Шура - На этот раз я знаю, что меня действительно любят. Зовут его Ван Грот или Ван Крот... Мурка! Ван что его зовут? Ван как?

Мура - Ван Корт.

Шура - Ну да, Ван Корт. Я же так и говорю. Да это безразлично. Я его зову просто Ванькой. Джентльмен чистокровнейшей воды. Целый месяц угощал и меня, и Мурку, возил кататься. Теперь письма пишет. Мы ничего не понимаем. Мурка говорит, что некоторые слова похожи на немецкий. Между прочим, он страшно богат. У него там в ихнем Брюкене целый дворец. Понимаешь, чем это пахнет?

Автор Шурка сделала паузу, сдвинула брови, сжала губы — изобразила, как могла, умную, расчетливую женщину. Но Наташа не придавала этому ровно никакого значения. Она знала, что Шурка жаждала только тепленькой любви и что ничего ей, кроме этой тепленькой любви, не надо, а про дворец рассказывала исключительно для того, чтобы не бранили ее душой.

В этой среде считалось вполне естественным, если женщина сходилась с товарищем по сцене, даже с бездарным и неудачником. Но человек из другого мира должен быть богат. Артистка, вышедшая замуж за студента или за бедного маленького чиновничка, возбуждает в подругах презрение, граничащее с отвращением.

Актриса - Этакая дура!

Автор Измена своей касте должна, очевидно, чем-то выкупаться.

Вот оттого-то Шура и хмурила деловито брови.

Пусть думают: «Молодчина Шурка Дунаева! Умеет людей обирать!»

Наташа - Что ж, у каждого свое честолюбие...

Мура - Кофе готов. Молоко нашлось.

Шура - Ну а как твой этот влюбленный-то?

Наташа - Какой?

Шура - Ну да чего ты притворяешься? Этот, который к тебе на Монмартре привязался.

Наташа - Н-не знаю. Я его больше не встречала

Шура - Ну, полно врать-то! Что я тебе не друг, что ли? Он на другое же утро прибежал сюда, как бешеный, чуть свет, часов в одиннадцать. Мурка еще спала, я его в коридоре приняла. Подумай — слетал в тот ресторан, добыл наш адрес — до вечера дожждаться не мог! - прискакал о тебе расспрашивать.

Наташа – *(ст араясь быт ь спокойнее)* Что же он спрашивал?

Шура - Спрашивал, правда ли, что ты англичанка и есть ли у тебя покровители. Я сначала обдала его форменной холодностью. Но он клялся, что хочет устроить твою судьбу, что у него есть для тебя очень серьезные предложения... Ну я и сочла глупым скрывать.

Наташа - А... а кто же он сам?

Шура - Этого я в точности не знаю, но, по-видимому, джентльмен чистокровной воды.

Наташа - А раньше ты его встречала?

Шура - Много раз. И всегда с очень элегантными дамами.

Мура - Я тоже встречала его по всем кабакам.

Наташа - А чем же он все-таки занимается?

Шура - Ну почему же я могу знать? Может быть, просто сын богатых

родителей...

Мура - А по-моему, - он скорее из артистической среды. Мне кажется, что года два тому назад он играл на рояле в кафе «Версай»... И пел в рупор песенки. А впрочем, я не уверена.

Шура - Так это всегда можно спросить. Какой же артист станет замалчивать о своих выступлениях? Во всяком случае, джентльменом от него несет за сорок шагов.

Мура - Ох, Шурка, Шурка...

Шура - Ну что «ох»? Ну что «ох»? Ее безумно полюбил очаровательный молодой человек, блестящий, интересный. Так вам непременно надо козыряться и кобениться: «Ох, почему вы не профессор агрокультуры! Ах, почему вы не торгуете фуфайками, почему нет в вас солидности?» Любили нас, подумаешь, солидные-то! Помнишь, Мурка, зимой патлатый-то этот повадился? Приватный доцент, ученый человек. Придет, принесет полдюжины пирожных, сядет да сам все и сожрет. А потом — «ах, ах! я такой рассеянный!» Любуйтесь, мол, на него, на великого человека со странностями. Нет, Наташа. Если любит тебя молодой и милый тебе человек, так и не финти, серьезно тебе говорю!

Наташа - Да я не финчу. Только, право, я его больше не видела.

Шура - Ну, он еще разыщет тебя. Я сказала, что ты у Манель.

Автор Наташа долго сидела у Шур-Мур. Ей было уютно и спокойно на душе, несмотря на бестолочь и птичий беспорядок их гнезда. Она помогала закреплять блески на костюме Царь-Девицы, пришивала галуны к шальварам персидской рабыни, гладила шарфы и ленты и слушала о любви удивительного голландца.

И ей не хотелось уходить из этого мира, где все так просто, ясно, весело и где ее тревога последних дней, и подозрение, и страх — все складывалось и давало сумму «интересный роман».

Она ничего не рассказала Шурке о пропавших деньгах и зеленых пятнах.

Она знала, как Шурка к этому отнесется.

Наташа - Да, и пожалуй, и правда — все это совпадения, воображение...

Автор А главная правда, что уж очень скучно и пусто на свете...

$2 \times 2 = 4$

Таблица умножения

Das ist eine alte Geschichte Doch bleibt sie immer neu. *H.Heine*

Эт о старая, но вечно новая история. Г. Гейне

Автор Да — дважды два четыре. И всегда останется новой старая сказка.

Через два дня, выходя от Манель, почти прямо против подъезда увидела она кого-то, кто, по-видимому, ждал ее и тотчас стал переходить улицу, направляясь к ней. Она узнала его и не удивилась, даже не очень взволновалась, словно ждала этой встречи. Она только просто очень обрадовалась. Гастон шел медленно, смущенно улыбаясь.

И когда подошел, оба, улыбаясь, долго держали друг друга за руки.

Гастон (*с ударением на последнем слоге*) - Наташа?

Наташа - Это значит, что ему все известно и он как бы просит согласия относиться к ней не как к выдуманной богатой англичанке, а как к настоящей маленькой служащей из модной мастерской.

Автор Наташа засмеялась и кивнула головой.

Он повел ее в кафе, угостил шоколадом и пирожными и сам как-то по-детски озабоченно выбирал эти пирожные, и потом следил за выражением ее лица — понравился ли ей его выбор. Очень было мило и весело в этом кафе. Сидели долго. Потом пошли в маленький ресторанчик обедать.

В ресторанчике было уже не так хорошо. Гастон плел про себя какие-то небылицы, путал, сбивался.

Гастон - Мой отец был выходцем из Болгарии, известный богач...

Наташа - Выходцем? А куда же он вышел?..

Гастон - В Ригу. Но он был чистокровный француз. А мать моя была краса-

вица итальянка. Это был страшный мезальянс, хотя она и была титулованная.

Наташа - А как же ваша фамилия?

Гастон - Та самая, которую я вам сказал.

Наташа - А как? Я забыла.

Гастон - Гастон Люкэ.

Автор Он посмотрел на нее, видимо, беспокоясь, что она ничего по этому поводу не говорит...

Гастон - Я иногда брал артистические псевдонимы...

Наташа - Вы, значит, артист?

Гастон - Да. Я кончил консерваторию в... в одном маленьком городке.

Наташа - В маленьких городках нет консерваторий.

Гастон - Это была не совсем консерватория, а — вроде. В Румынии.

Наташа - И потом выступали?

Гастон - Очень редко.

Наташа - А вы не играли в оркестре в кафе «Версаль»?

Гастон(*быстр*) - Никогда в жизни!(пауза) Может быть, так как-нибудь, в шутку...

Наташа - Он стыдится этого. Он хочет быть в моих глазах независимым светским человеком, сыном какого-то знатного "выходца"...

Автор Ей стало жаль его, и тихая теплая нежность овевала ее душу.

Наташа - Не надо приставать к нему с вопросами. Не все ли мне равно, кто он? Может быть, больше не встретимся. Уйдет и не вспомнит.

Автор После обеда прошлись по бульвару и сели за столиком большого кафе на улице. Наташа чувствовала себя усталой и говорила мало, а Гастон увлекся беседой с алжирцем, продающим ковры. Он без конца шутил с ним и хохотал, рассматривая его товар. И хоть ясно было, что он ничего не купит, алжирец продолжать юлить около.

Такие алжирцы всегда бродят мимо больших кафе с неизменными цветными

ковриками, иногда с довольно дрянными мехами или даже с поддельными жемчугами и бусами, но главное, конечно, с коврами. Бродят они также по модным пляжам, где довольно нелепо предлагать товар голым людям. Ну на что голому ковер или лисья шкура? Да и кошелька на голом нет.

И никто, между прочим, никогда не видел, чтобы у такого алжирца кто-нибудь что-нибудь купил. Существование их для всех загадка. Многие склонны даже видеть в них шпионов, но что можно около кафе шпионить? Какие оперативные планы можно продать неприятелю? Загадка.

Гастон - Я хочу совсем крошечный коврик, беленький.

Автор Гастон засмеялся, глядя алжирцу прямо в глаза.

Алжирец (*серьёзно*) Меньше этих сейчас нет. Дайте задаток полтораста франков.

Гастон - Сто!

Автор Алжирец перекинул свои ковры на руку и стал медленно отходить.

Гастон (*шепотом*) – Наташа! Он сейчас вернется...

Автор И действительно, алжирец постоял посреди улицы, посмотрел во все стороны, снова подошел к их столику и, сняв с плеча небольшой коврик, поднес его к Гастону. Тот дал ему сто франков и стал щупать коврик. Потом алжирец быстро вскинул коврик снова на плечо и ушел, не оборачиваясь.

Наташа - В чем же дело? Кажется, он сунул в руку Гастону крошечную записочку. (*Гастону*) Вам письмо?

Гастон - Да. От одной интересной испанки.

Наташа - Отчего же вы не читаете?

Гастон - Нельзя. (*шепотом*) Кокаин.

Наташа - Разве вы нюхаете кокаин?

Гастон - Нет, это я не для себя. Это для одного знакомого. Он его продает и получает в десять раз больше.

Наташа - А вы знали раньше этого алжирца?

Гастон - Ну конечно.

Наташа - Странный этот Гастон! Впрочем, он так много врет, что, может быть, и не знал раньше этого алжирца. А может быть, это и не кокаин, а действительно записка. (*Гаст ону*) Милый Гастон, если бы вы врал не постоянно, то было бы интереснее. Я бы тогда угадывала, что — правда, что — ложь.

Гастон (*серьёзно*) - Если бы вы могли быть моей подругой, у меня никогда не было бы тайн. То есть — почти никогда. Ведь вы тоже не всегда говорите правду. Разве вы не выдавали себя за богатую англичанку?

Наташа - Опомнитесь! Я ни слова не сказала.

Гастон - Не сказали, но и не разубеждали меня. Вы, между прочим, говорили: «мой шофер», «моя машина»...

Наташа - Точно так же я сказала бы «мое такси»...

Гастон (*рассмеявшись*) - Видите, как неприятно, когда вас уличают во лжи! А по отношению ко мне вы только этим и занимаетесь!

Автор Наташе показалось, что он сердится, и она смущенно взглянула на него.

Наташа - Нет, он, по-видимому, и не думает сердиться. Посмотрел прямо в глаза и засмеялся. (*Гаст ону*) Ну как вы не понимаете, ведь это тогда была просто шутка, забава, а не обман.

Гастон - Ну вот, вот, ведь и я тоже шучу и забавляюсь.

Наташа - А будет ли когда-нибудь правда?

Автор Наташа смутилась, точно вопросом этим выдавала какое-то свое желание, какие-то надежды на дальнейшие встречи, на более сердечные и искренние отношения.

Он ничего не ответил на ее вопрос, только молча поцеловал ей руку.

Они расстались, не условливаясь о новой встрече, но на другой день он снова ждал ее на улице.

И они снова обедали вместе и вечер провели в кинематографе.

Наташа - Вы, кажется, целый день свободны, Гастон? У вас нет сейчас определенных занятий?

Гастон - Наоборот, я очень занят. У меня масса дел.

Наташа - Каких?

Гастон - Комиссионных. Я занимаюсь комиссионными делами. Вот мне сейчас поручили продать один дом. Я на этом деле смогу заработать несколько десятков тысяч. Даже еще больше.

Наташа - Не похожи вы, Гастон, на солидного дельца. Сколько вам лет?

Гастон - Гораздо больше, чем вы думаете. Мне уже под тридцать. Я знаю, я очень моложав, но стоит мне надеть очки — я сразу делаюсь на десять лет старше.

Наташа - А вы носите очки?

Гастон - Нет. *(Она смеет ся.)*

Наташа - Под тридцать. Двадцать три? Двадцать четыре?.. А мне тридцать пять... Не все ли равно? Не так я стара, чтобы грустить об ушедшей юности. А если ему даже двадцать, то мне-то какое до этого дело? Пусть хоть пятнадцать. Ведь не замуж же мне за него выходить?

Автор Мысль была совершенно ясная и дельная, но тихой печали с души не сняла... На другой день перед уходом из мастерской она долго прихорашивалась перед зеркалом и слегка подрумянилась.

Наташа - Конечно, не потому, что Гастону третий десяток, а просто так. Захотелось...

Автор И выйдя из подъезда, пошла не как всегда — ленивой и усталой походкой, а легко, быстро, прямо, словно показывала покупательницам новую спортивную модель.

Она дошла до конца улицы, вернулась, прошла снова.

Никто не догнал ее и не окликнул. Гастон не пришел.

Как нимб, любовь, твое сиянье
Над каждым, кто погиб любя.
Блажен, кто принял посмеяние,
И стыд, и гибель от тебя...

Валерий Брюсов

La Du Barry, pauvre, vieille belle, pleura sur l'échafaud, criant:
«Encore un petit moment, monsieur le bourreau!»

Histoire de France

*Бедная старая красавица дю Барри плакала на эшафот е, крича:
«Еще минутку, господин палач!» История Франции (фр.)*

Автор Гастон не пришел.

Наташа - Не пришел он и на следующий день. Да ведь он и не обещал, что придет...

Автор - Стояли жаркие, душные дни. Настроение в мастерской было истерическое.

Продавщица Элиз упала в обморок перед заказчицей. Манекен Вэра вела себя вызывающе, опаздывала и нагло улыбалась, когда мадам Манель делала ей замечания. Очевидно, она нашла себе другое место и старалась вывести Манель из себя, чтобы та сама ее прогнала. Тогда можно было требовать с нее полагающихся в таких случаях «ликвидационных». Но Манель как будто угадала ее маневр и хотя белела от бешенства, но решительных слов не произносила и была таким сладким ангелом, как бывают только от самой крутой злости.

Мосье Брюнето был неуловим, и в какой фазе находились его отношения с Вэра, определить было трудно. Но это последнее обстоятельство выяснилось, когда Вэра пригласила Наташу провести вместе вечер.

Вэра - Мы заедем за вами ровно в девять. Наденьте открытое платье.

Наташа – Интересно, кто это "мы"?

Автор «Мы» оказалось состоящим из Вэра и Брюнето. Заехали они уже не в великолепной «Испано» мадам Манель, а просто в такси. Оба были веселы и говорили друг другу «ты».

Поехали в большой ресторан, где обедают с танцами. Наташе было скучно.

Наташа – Как вульгарна Вэра в счастье своем... Шлепает Брюнето по щекам, шепчет ему что-то на ухо, зажимает ему рот рукой. А он только сидит красный, с блаженно растерянной улыбкой. Со мной оба почти не разговаривают, так что не понятно, зачем меня пригласили...

Автор За столиком, наискосок от них, сидела парочка, на которую все обратили внимание, — дама и кавалер. Даме было лет под шестьдесят, типа она была английского, дико худа, но с могучими костями, которые точно гремели, когда она плясала, так были голы и страшны. Щеки ее, очевидно подвергнутые эстетической операции, носили легкие следы каких-то не то швов, не то шрамов, густо замазанных белилами и румянами. Через легкое платье обрисовывались все ее маслаки, кострецы, берцовые и прочие кости. Она была страшна. Вообще можно отметить, что безобразно толстые женщины вызывают смех, тогда как безобразно худые, может быть потому, что напоминают о скелете и о смерти, возбуждают истинный ужас. Над ними не смеются, их пугаются.

Вот так страшна была эта старая англичанка. И казалась еще страшнее от соседства со своим кавалером, худеньким, бледным мальчиком лет двадцати двух, с обиженным лицом и красными веками. На мальчике были кольца и три цепочки на правой руке.

Метрдотель, разговаривая с Брюнето и видя, что тот смотрит на странную пару, улыбаясь, объяснил:

Метрдотель - Вот сделал карьеру молодой человек. Он был дансером у Сиро. Там пленил эту англичанку, она заплатила все его долги и вот держит его у себя.

Брюнето(засмеявшись) - Ну какие у него могли быть долги! Кто ему давал больше десяти франков!

Автор Наташу непонятно волновала эта пара. Она глаз не могла отвести от старухи, страшной, как похоронная кляча, с которой сняли ее торжественную попону, и от этого обнимающего ее мальчика, бледного, с красными веками, какого-то умученного, смущенного и торжествующего.

Наташа - Похоже на какого-нибудь циркового «человека-аквариум», который глотает перед публикой живую лягушку. Ему физически противно и ему стыдно, потому что занятие все-таки не почтенное — зрителей мутит, но он горд, потому что номер исполняет исключительный и деньги за него получает хорошие. Старуха - та никаких сложных чувств не проявляет. Невозмутима, спокойна и совершенно не замечает ни насмешливых взглядов, ни улыбок. Не хочет замечать, потому что все-таки совсем-то уж ничего не заметить нельзя: настолько многие из зрителей держат себя нагло и развязно.

Автор Старуха танцевала, пила шампанское, поднимая хрупкие бокалы огромной, как грабля, костистой рукой. Кожа на этой руке так плотно обтягивала остов кости, что трудно было отличить, где начинаются пальцы, и казалось, что они растут прямо от запястья...

Наташа - И как она спокойна — эта страшная женщина, этот скелет человека, умершего от любви.

«Gloire a ceux qui sont morts pour elle!» (*Слава тем, кто умер за неё*)

- И мальчик этот как лунатик. Неужели ему не стыдно? И что-то в нем напоминает... Эти слегка приподнятые плечи, когда он танцует. Может быть, даже и не он отдельно напоминает, а вся эта атмосфера, эманация этой пары, этого джаза, утонченно-чувственного, развратного, как тайное сновидение, о котором никогда никому не рассказывают, и запах духов и вина — все это вместе... нет, не напоминает, а как-то дает нервам «его», Гастона.

Автор И вот — последний блик, которого не хватало... Один из музыкантов, толстый и черный, как жук, встал и, приложив ко рту рупор, запел:

«Ce n'est que votre main, madame!» (*Только ваша рука, мадам*)

Наташа - Я очень устала. Отпустите меня домой!

Автор И Брюнето и Вэра до невежливости быстро согласились на ее просьбу.

Брюнето вышел проводить ее и усадить в такси. И когда они уже стояли внизу, к подъезду подкатила большая барская машина, из которой вышел высокий элегантный господин с седыми височками, с розеткой в петличке, в цилиндре и белом кашне и, повернувшись, обождал, пока выйдет из автомобиля его спутник, тоже элегантный, тоже в цилиндре и белом кашне и, взяв его ласково под руку, прошел в подъезд.

Этот второй элегантный господин был Гастон.

Наташа так испугалась, увидя его, что спряталась за спину Брюнето.

Наташа - Почему так испугалась, и сама не понимаю.

Автор Спала эту ночь плохо.

Наташа - Если опять Гастон подойдет ко мне , то нужно будет непременно рассказать ему, что меня в ту ночь в притоне обокрали, и спросить, знает ли он Любашу, и еще надо рассказать про зеленые отметины на деньгах. Словом, всё. Будь, что будет.

Автор Но, проснувшись, сразу поняла всю бессмысленность этого решения.

Наташа - Если он в это дело замешан, то, конечно, ни в чем не признается, а просто отоврется и уйдет. Навсегда... Если не виноват, то может почувствовать, что его подозревают, обидится и уйдет. Результат всегда тот же. Зачем же поднимать эту историю, раз я не хочу, чтобы он уходил?

Автор Появился он дня через три, но не на улице, как раньше, а пришел прямо к ней. Это было в воскресенье, и Наташа только что оделась, чтобы идти в ресторан завтракать.

Наташа - А я про вас что-то знаю. Вы три дня тому назад были вечером в ресторане с одним пожилым господином.

Автор Гастон сильно покраснел. Это в первый раз видела Наташа, что он покраснел.

Гастон - Это неправда, я нигде не был.

Наташа - Да я сама вас видела.

Гастон - Ах да. Вы... про это... Это один друг моего покойного отца...

Наташа - А разве ваш отец умер?

Гастон - Нет... Я хотел сказать — покойный друг моего отца.

Автор Наташа стала истерически хохотать, а он даже не понял отчего.

Наташа - Милый Гастон! Простите меня. Я вас очень люблю... И не обижайтесь, когда я смеюсь.

Гастон (*сухо*) - Я очень рад, что вы такая веселая. Я бы и сам смеялся с вами, если бы понимал причину вашего смеха.

Наташа - Какой, однако, болван! Врет ерунду несусветную, да еще и обижается.

Автор Но все-таки ей было неприятно, что он надулся, и она была очень довольна, когда он предложил вместе позавтракать.

Гастон (*оживлённо*) – Я знаю один ресторанчик против вокзала Монпарнас, где чудесные и очень дешевые лангусты.

Автор За завтраком он совсем развеселился и обещал пригласить ее в свое ателье.

Гастон - Чудесное ателье. Одно из лучших в Париже. У меня там дивный рояль, и я хочу вам сыграть. Сейчас его немножко ремонтируют, это ателье, но на днях все будет готово.

Автор На следующий день он, очевидно, позабыл все, что врал про ателье, и повел Наташу к себе в крошечную комнатку крошечного отеля, около Этуаль. Инструмент, оказалось, действительно у него был, но не рояль — рояль бы и не въехал в его конурку, — а просто пианино.

Кроме пианино в комнате помещались кровать и стул. Даже стола не было. Остальная обстановка состояла из невероятного количества всякого рода башмаков.

Наташа - Их не меньше двенадцати — пятнадцати пар, и стоят за неимением места под кроватью, на стуле и даже на пианино.

Автор Освободив стул, Гастон усадил Наташу и стал играть. Играл он действительно великолепно.

Наташа - Что за чудо! Оказывается, что он не соврал. И лицо у него сделалось странное. Точно удивленное. Точно не сам он играет, а с удивлением и восторгом слушает чью-то мастерскую игру.

Автор Но выбор пьес был совсем неладный. После блестяще исполненной прелюдии Рахманинова продребезжал фокстрот, за фокстротом — Скрябин. Потом что-то легкомысленное с неожиданными паузами, во время которых он поднимал обе руки и смеялся, и вдруг снова точно схватывал мелодию двумя руками.

Гастон - Это мое.

Наташа (*спокойно*) - Врет!

Автор Но она была потрясена. Потрясена тем, что он так великолепно играл, а главное — тем, что он не соврал. От этого последнего факта ей стало как-то еще беспокойнее с ним, с этим странным мальчиком, Прежде она знала, что он все время лжет, и было уже что-то для нее определенное в этом облике. Теперь она сбилась. В периодической дроби, которою была для нее душа Гастона, неожиданно появилась новая цифра.

Le roi n'a qu'un homme, c'est sa femme. *Mirbeau*

У короля единст венный подданный – его ж ена. О. Мирбо

Наташа - Это был очень странный вечер, вечер, запомнившийся надолго.

Автор Перед этим она не видела Гастона дня четыре. И вот было уже поздно, около двенадцати, и она собиралась ложиться спать, когда в дверь тихо постучали.

Она даже сначала подумала, что ей показалось, так тих был этот стук, но

все-таки открыла дверь. За дверью стоял Гастон.

Гастон - Я на одну минутку.

Наташа Вошел, сел, снял шляпу и вытер лоб. Он был очень бледен.

Автор Взглянул на Наташу и странно, по-детски застенчиво улыбнулся.

Точно ребенок, который что-то разбил.

Гастон – Наташа! Вы мой лучший друг, мой единственный друг, и вы можете очень мне помочь в одном деле.

Автор Он был такой какой-то расстроенный, что Наташа невольно подняла руку и погладила его по голове.

Наташа Лоб совершенно мокрый...

Гастон - Я вам говорил... я занимаюсь комиссионными делами. Вот мне поручили продать одному покупателю, очень богатому выходцу из... из Аргентины, одну драгоценность. Но дело в том, что покупатель приедет только через неделю, а я боюсь держать эту вещь у себя. Не потому, что... вы не подумайте... то есть просто я боюсь потерять, или ее могут украсть в отеле. Так вот, я хотел вас просить... заложить эту вещь. Понимаете? В ломбарде она будет в сохранности, за нее отвечают. Это все так делают, когда комиссия. Даже имения закладывают. *(закашлялся)*

Автор Он почувствовал, что что-то неладное выходит, и запнулся.

Наташа - А почему же вы сами не можете заложить?

Гастон - Я не могу... вы дама, вам удобнее, вещь дамская, браслет. И потом, надо заложить сейчас же, завтра утром, как только откроется ломбард, а я с утра буду безумно занят. Я очень вас прошу. Это, может быть, не деликатно, но вы моя подруга... и я тоже для вас всё всегда сделаю.

Наташа - А у вас найдутся деньги, чтобы выкупить, когда этот ваш... «выходец»-то приедет? И почему у вас все выходцы?

Гастон - Деньги? Да вот эти самые, которые мы получим. Я их спрячу и через неделю, когда тот приедет, и выкуплю.

Наташа - Ну что же. Давайте ваш браслет, я заложу.

Автор Он бросил беглый взгляд на дверь и вынул из кармана тяжелый массивный браслет без футляра и даже без бумаги.

Наташа Ого! Изумруды... бриллианты... Да он, пожалуй, тысяч десять стоит.

Гастон – Наверное... Мне поручено запросить не меньше пятнадцати. Спрячьте его скорее. Я знал, что не ошибусь в вас. Вы — моя подруга. Правда?

Автор Он посмотрел на нее ласково и был такой измученный, что даже глаза закрывал.

Гастон - Мы завтра встретимся лучше всего в кафе. Приходите в кафе «Версаль»... нет, в «Версаль» нельзя. Приходите к Дюпону... знаете? Войдите внутрь и ждите меня за столиком в углу с правой стороны. Спросите себе кофе или что-нибудь, чтобы не было видно, что вы ждете... потому что... это всегда глупый вид, когда ждут. Вы мне там и передадите деньги.

Наташа - И квитанцию?

Гастон - Н-нет. Квитанцию спрячьте у себя. А теперь я пойду... я еще не обедал.

Наташа - Как не обедали? Ведь теперь, пожалуй, уже двенадцать...

Гастон (*испуганно*) - Двенадцать? Ай-ай-ай! А я пришел... Могут заметить...

Наташа (*ласково*) - Вы волнуетесь за мою репутацию? Ну, знаете, в этом скверном отельчике ничем не удивишь.

Гастон (*задумчиво*) - Вы думаете? Так до свиданья. Завтра в семь часов у Дюпона. Не забудьте и не перепутайте.

Автор Он рассеянно несколько раз поцеловал ей руку.

Гастон - Вы мне самый близкий человек...

Наташа - Странно, что он придает столько значения такому пустяку.

Автор Ее гораздо больше интересовало то тревожно-нежное к ней отношение, которое она вдруг почувствовала в нем.

Наташа - Любит ли он меня? Но ведь ни разу до сих пор он не поцеловал

меня, не обнял. Чем это объяснить? И чего вообще хочет он от меня? Денег у меня нет, и, кажется, он даже не находит меня очень красивой.

Автор По крайней мере, тогда, в первый день знакомства, восхищаясь ею, он ведь все-таки сразу стал вносить какие-то поправки...

Гастон -Нужно желтое розовое для щек...Ваш жанр должен быть всегда немножко "чересчур"...

Наташа - Да, вносил поправки. Значит, не был так потрясен моей красотой. А между тем — ищет моего общества, ходит за мной... Он хочет, чтобы я была его «amie». У французов это слово имеет определенное значение. Но один раз он как-то сказал «sorine» - подруга... А это уже другое.

Автор Об этом думала она, засыпая, и только на рассвете, в полусне, между сном и жизнью вдруг почувствовала, как толчок в сердце:

(голос Гаст она) «Этот браслет краденый!»

Автор Но тотчас заснула снова.

Утром, выходя из дому, вынула браслет из ящика стола, куда спрятала его на ночь, долго разглядывала его, стараясь вспомнить что-то очень нехорошее, связанное с этой ночью. Но так и не вспомнила.

«Нехорошее» была та самая мысль, которая на рассвете ударила в сердце.

В ломбарде ждал ее приятный сюрприз: за браслет предложили не пятнадцать тысяч, как она собиралась просить, а сорок пять.

Наташа - Хорош комиссионер... Много он в вещах понимает!

Автор Ей приятно было, что она обрадует его сегодня, и она с нетерпением ждала вечера и побежала в кафе раньше назначенного времени.

К ее удивлению, он сидел уже там.

Гастон*(вполголоса)* - Ну что? — спросил он вполголоса.

Наташа *(смеясь)* - Поздравляю вас! Вы удивительно опытный комиссионер! Оцениваете вы замечательно верно.

Гастон *(испуганно)* - Вы, кажется, шутите? Неужели не дали даже десяти?

Наташа - Успокойтесь, милый мальчик, ваш хороший друг умеет дела делать. Вот — получайте.

Автор И она торжественно открыла сумку и хотела вынуть деньги.

Гастон - Нет, нет... Потом, потом!.. Здесь не удобно. Вы только скажите сколько.

Наташа - Сорок пять!

Гастон - Что-о?

Автор Он сильно покраснел и, по-видимому, совсем не обрадовался.

Гастон (*бормочет*) - Ай-ай-ай... Начнут, пожалуй, историю. Des ennuis.

Неприят ност и...

Наташа - Почему? Я думала, что, чем дороже вещь, тем больше вы получаете комиссионных.

Автор Он посмотрел на нее с недоумением, видимо, совершенно не понимая, о чем она говорит.

Наташа – Вы получите больше комиссионных...

Гастон - Конечно, конечно... Но дорогую вещь труднее будет продать...

Автор Он стал очень рассеянным, отвечал невпопад и пошел говорить по телефону. Говорил он очень долго...

Гастон (*вешает трубку, возвращает ся*) – Простите... У меня разболелась голова... Я хочу пойти домой отлежаться.

Автор Наташа обиделась и загрустила. В головную боль она не поверила.

Наташа – Наверное сговорился с кем-нибудь по телефону покутить на эти неожиданные деньги.

Автор И грустно ей было, что она так радовалась весь день, думая, что осчастливит его.

Наташа - Надела нарядную шляпу и белые перчатки... Так была уверена, что поведет обедать или в театр. А он даже не поблагодарил за услугу.

Автор Она хотела упрекнуть его за неблагодарность — она из-за него

опоздала на службу...

Наташа - А он даже чашки кофе не предложил!... Но он такой растерянный, что не стоило и разговора начинать.

Автор На улице он кликнул такси и почти молча довез ее домой. Взял деньги, которые она передала ему, вышел вместе с ней и расплатился с шофером.

Наташа Он, верно, хочет подняться ко мне... (*делает вид, что не понимает его намерения*) Зачем же вы отпустили шофера? Не идти же вам пешком, раз у вас болит голова.

Гастон - Нет, я поеду... Только хочу взять там, на углу, другой автомобиль.

Автор Он рассеянно поцеловал ей руку и быстро скрылся.

Наташа стала тихо подниматься по лестнице.

Наташа - Ловко, нечего сказать.

Автор Вспомнился знакомый офицер, который говорил в таких случаях, пародируя восточный акцент: «Харашо, душа мой? Получил об стол мордом».

Наташа - Это все грубо и глупо и, в конце концов, даже скучно. И чего ему от меня надо? Чтоб я закладывала для него какие-то подозрительные браслетки? «Комиссионные»! Наверно, просто краденые. Ведь этак можно легко запутаться в какое-нибудь грязное дело. Нужно быть совсем дурой, чтобы не видеть, что этот молодой человек — весьма подозрительный тип. Если он завтра явится, я скажу ему прямо, чтобы он на меня не рассчитывал и что вообще... я не хочу с ним встречаться. Быть героиней какого-то авантюрного романа я не создана.

Автор Хотелось есть — она ведь так и не пообедала.

Наташа - А, тем лучше. *Paris vaut bien une messe. Париж ст оит мессы.* Осталась без обеда, зато отделалась навсегда от этого прохвоста.

Автор Она была очень обижена и на обиде этой, как на прочном цементе, начала спокойно и холодно укладывать свою жизнь.

Наташа - Пойду завтра к Шурам-Мурам... Надо возобновить уроки английского... В конце августа поеду в Juan les Pins... Скопирую синюю пижаму сама, сделаю ее в ярко-зеленом...

Когда от Канта ушел его старый слуга Лампе, огорченный философ записал в записной книжке: «Забыть Лампе». *Кунофишер Кант*

«N'y pensons plus ditelle», — depuis elle y pensa toujours. *Chanson*

«Не будем больше думать об этом», - сказала она, думая об этом всегда.

Песня

Наташа - Не надо о нем думать. А чтобы скорее забыть, лучше всего быть с людьми, которые никакого отношения к этому темному типу не имеют.

Автор Поэтому визит к Шурам-Мурам исключался, хотя они были очень милые и хорошо действовали на настроение.

Вспомнила о ломбардной квитанции и решила тотчас же отослать ее Гастону.

Наташа - Просто, без всякого письма. Улицу и отель я запомнила хорошо.

Автор На обратной стороне конверта надписала свое имя и адрес. Отправила. После этого три дня сидела дома...

Наташа Не потому, что ждала ответа или телефонного звонка, а просто так..

Автор И это «неожидание» утомило и измучило, как тяжелый труд.

На четвертый день письмо вернулось с надписью «Inconnu» *адресат неизвестен...*

Наташа - Очевидно, Гастон живёт в отеле под другим именем...

Автор Сидеть и «не ждать» стало совсем невыносимо.

Тогда выступил на очередь план...

Наташа - Нужно быть с людьми, не имеющими отношения к темному типу.

Автор Вспомнила о мадам Велевич, вышивальщице, работающей и на мастерскую Манель.

Наташа - У Велевич всегда народ, и все такой, из другого мира: бывшие светлые личности — фанатики воскресных школ и волшебного фонаря, учительницы музыки, переводчицы, рисовальщицы по крепдешину, шоферы и дантисты.

Автор На этот раз за чайным столом сидели кроме самой хозяйки, пожилой курносо-русской уютной женщины, еще трое. Одного из них Наташа уже встречала.

Наташа - Это дальний родственник хозяйки. Очень высокий, светло-рыжий, с выражением ржущей лошади на лице, он давно живёт в Париже и смотрит на все российские дела — советские и эмигрантские — с наивным и даже как бы веселым удивлением.

Автор Был он когда-то кавалеристом, потом служил в государственном конно-заводстве и, вероятно, благодаря этой лошадиной линии своей жизни, получил прозвище в память призового жеребца «Отставной Галтимор его величества».

Кроме Галтимора были две дамы. Одна — маленькая, ядовитого типа старушонка, в старинном корсете и высоком воротничке, подпертом серебряной брошкой-подковой.

Вторая дама, что называется, средних лет, с пухлым, дряблым, очень бледным и как бы дрожащим лицом, в черном грязном платье. Странная дама. И звали ее необычно — Паллада Вендимиановна. И была она, очевидно, очень строгих принципов, потому что, когда хозяйка предложила ей варенья, сделала отвергающий жест.

Паллада -Ни-ко-гда!

Автор И ясно было, что и под пыткой варенья не съест. На Наташу взглянула с отвращением, искренним и нескрываемым.

Велевич - Ну, что нового у вашей Манель?

Старушонка (*обиж енно*) - Ах! Вы служите у Манель!

Наташа - Да, я манекен.

Старушонка - Так скажите вашей Манель, что она платьев шить не умеет.

Галтимор (*гаркнул*) - Вот это здорово! (*заржал и стукнул ногой*)

Старушонка - Да, не умеет. Моя знакомая дама купила себе костюмчик и потом ко мне переделывать принесла. Спину обузили, юбку обузили и запаса в швах не оставили, так что и выпустить нечего.

Наташа - Ваши дамы покупают в больших домах на сольдах платья, которые не на них шиты, а потом недовольны. Платье сшито на тоненькую фигурку, а в него лезет пятипудовая бабища и обижается, что плохо.

Старушонка - А почему же не оставляют запаса в швах? На материи выгадывают?

Наташа (*презрит ельно*) – Хм!..

Старушонка - Запас? В ламэ? Или в прозрачном муслине? И вообще... запас... Это даже смешно. Платье шьется, чтобы его носили как оно сшито...

Галтимор - Ха-ха-ха!

Автор Галтимор веселился, переводя вопросительно-веселые глаза с одной собеседницы на другую.

Паллада - Ужас!

Автор Паллада Вендиаминовна оттолкнула чашку, расплескав чай, откинулась на спинку стула и закрыла глаза. Все переглянулись.

Велевич (*смущённо*) - Паллада Вендимиановна недавно приехала из России... И вот все не может привыкнуть к нашей жизни.

Паллада (*истерически*) - И никогда не привыкну! Н-не могу! Задыхаюсь! Разве это люди? Это... ламэ! Тряпки!.. Ламэ! Где чудеса любви? Чудеса самоотвержения? Восторг муки?

Автор Галтимор оглядывал всех, точно спрашивал — пора ли смеяться.

Паллада - Я уже семь месяцев здесь! И я изнемогаю! Варенье... ламэ! Ха-ха! Ламэ! Люди что-то шьют, работают, получают деньги, едят, спят сколько полагается. Покупают все, что им нужно... Учатся спокойно... Купит книжку и

учится. Ха-ха! Где восторг? Где подвиг? Где чудо?

Старушонка – Позвольте!... Причем здесь чудеса? Чудеса в религии, а не в том, что я полфунта сахару куплю.

Паллада (*совсем бешено*) - Да, у вас — да. У вас так! А у нас — чудо на каждом шагу. Петр Никанорыч шел по улице и видел — везут Алавердова и Матохина. Везут арестованных на расстрел. И все, конечно, отворачиваются и делают вид, что не узнают. А Петр Никаиорыч поднял руку, перекрестил их, снял шапку и поклонился до земли. Малый подвиг, скажете вы. Нет, великий. Его расстрелять за это могли. За этот поклон, за этот крест он жизнью своей платил. Да, да... Видела я: девочка, маленькая девочка, худая, синяя, несет в черепочке немножко патоки — это ей выдали на паек. Идет осторожно и все на патоку смотрит, как бы не пролить. И вот подходит к ней старушка и говорит: «Девочка, мы с тобой старые да малые, слатенькое любим». Так и сказала: «слатенькое». А девочка говорит: «Что же, бабушка, лизни пальчиком, я для тебя не пожалею». И старушка обмакнула палец и пососала. Конечно, это малое чудо любви. Но я видела голубой свет над ними, над их головами... Голубое излучение...

Автор Лицо у Паллады побледнело еще больше, судорога оттягивала углы рта.

Паллада - Есть у Мицкевича в «Дядах»... Души умерших детей просят, чтобы дали им горчичное зернышко, потому что не вкусили они при жизни горечи и не могут попасть в рай... Наши дети горчичными зернами вскормлены, а единственный свой черепочек грязной патоки другим отдадут. Да. Церкви закрыты, религии нет. Но звон колоколов невидимо гудит под землей, и сам Христос приходит приобщить умирающих.

Галтимор (*неожиданно свежо и бодро заржал*) - Ха-ха-ха! Вот так большевики! Какой камуфлет! Уничтожили религию и основали фабрику святых! Ха-ха! В ударном порядке, безо всякой пятилетки, лучший завод в

государстве, в планетарном масштабе и работает по двадцать четыре часа в сутки? Ха-ха!.. Нет, действительно, ну на что им церкви? Святым-то?

Автор Паллада, ухватившись за сиденье своего стула, повернулась всем телом прочь от Галтимора.

Паллада (*срывающимся голосом*) -Жалею, что говорила перед вами... перед таким...

Автор Все смущенно молчали.

Наташа - А мне гадалка нагадала, что я скоро поплыву на родину...

Галтимор (*уже не так браво*) - Значит, тоже в святые? Такая хорошенькая святая — воображаю, какие толпы будут сбегаться к вам на поклонение!

Автор Ехидная старушонка покосилась на Галтимора неодобрительно.

Старушонка - И все это пустяки. У нас тоже делают добрые дела. Сколько угодно. Всякие комитеты и все что угодно. Моей сестре Розенталь пожертвовал швейную машинку. И вовсе он не святой, а просто добрый человек и богатый. И никто не плачет и не умиляется.

Автор Хозяйка почувствовала, что надо и ей как-нибудь вступить в разговор.

Велевич - По правде говоря, у нас действительно большая распущенность. Конечно, я не возражаю, комитеты... Но любви к другу и жалости — этого я не наблюдала.

Галтимор - Да чего же жалеть-то? Наряжаемся, пляшем, ходим по ресторанам. Вот позвал меня вчера князь Чамкидзе, товарищ по полку, в их кабак. Он — метрдотелем. Битком набито, и все почти русские. А ведь цены умопомрачительные. Видел там нашу неувядаемую Любашу Вирх с какими-то юнцами, дансерами. Также профессия — эти дансеры. Существа, грациозно изгибающиеся, между альфонсизмом и уголовщиной.

Наташа (*задохнувшись*) - Она была с французами?

Галтимор - Нет, с нашими, отечественного производства фруктами.

Паллада - Ну, я ухожу. (*Уходит*)

Велевич (*шепотом*) - Кликуша!

Автор Наташа поднялась тоже. Ей почему-то стало тоскливо и беспокойно.

Галтимор - И вы?

Автор Галтимор всполохнулся и, внимательно посмотрев на Наташины ноги, предложил ее проводить.

Галтимор - Вам нельзя идти одной, еще кто-нибудь пристанет.

Старушонка - И все это ерунда. Ведите себя прилично, так никто к вам и не пристанет. Я постоянно одна хожу. По сторонам не смотрю, иду, и никто никогда ничего себе не позволил.

Автор Галтимор обвел всех недоуменно-радостным взглядом.

Наташа – Благодарю Вас. Не стоит. (*ст. арушонке*) Пойдемте вместе.

Старушонка – Охотно. Смотрите-ка, у вас синенькое пальто и у меня синенькое. Подумают, что мы две сестрички. (*продолжает что-то о бубнит*)

Автор Наташа рассеянно молчала. Она думала о том, что, куда бы она ни пошла, все равно везде будут говорить о Гастоне. И она была бы очень удивлена, если бы ей объяснили что о Гастоне, в сущности, не было сказано ни одного слова...

Несчастье бросает тень вперед... *Тэффи. «Предел»*

"Всё божественной игрою рождено и суждено..." *Ф. Сологуб*

Автор Фифиса была маникюрша отменная. К Наташе ходила по воскресеньям: в будни Наташе было некогда.

Наташа Ну, что нового? Давно не видали нашу красавицу? Я про Любашу...

Автор Фифиса даже ножницы уронила.

Фифиса - Ох, милая моя! Ну и дела! Уж не следовало бы говорить, да вам ведь можно. Была я там третьего дня. Вызвала меня, значит, ногти делать. Ну, пришла я, а самой-то еще нету. Вижу, все благополучно, еврейный лакей двери отпирает, новая собачка бегают, хорошенькая, как купидон. Цветов всюду

наставлено гибель, по комнатам англичанка ходит, за прислугами смотрит. Ну, значит, все слава Богу, взят, значит, американец за зебры.

Ну я, значит, в будуарчике села, инструменты достала - жду. И вдруг неожиданно-негаданно — звонок, является сам фон-барон, а он теперь, я знаю, за городом работает. Ну, поздоровался, он меня любит, «я, — говорит, — Анфиса Петровна, только Люлечку дождусь, меня в город по делу прислали, и нет ли чего пожевать». Ну и предложила я наскоро яишенку сварганить. И так он просто-душно сказал: «Сварганить так сварганить». Ну, я живым манером, раз-два все ему в столовой на уголок стола поставила — сидит ест. А сама принесла горячей воды, села в будуарчик — жду. И минутки не прождала — влетает моя барынька, веселая, ну прямо купидон. «Живо, - кричит, - Фифиса, я тороплюсь». И не успела она шляпу снять, как слышим — звонок. И вбегает в комнаты, прямо в будуарчик, этот пузан, американский черт. Роба вся на сторону, губы лиловые, как у медведицы... Не здороваются ничего и прямо: «Я, — говорит, — сам видел, как вы подъезжали и кто вас провожал», — роба такая наглая. По-французски говорит — баронесса-то по-американски ни кукареку, как и мы, грешные. Баронесса себя сдержала и говорит: «Это что же значит?» — «А то, — говорит, — значит, что вы, верно, стареть начали, что за мальчишками бегать стали». Ведь это подумать только — такой богатый человек и такие простые слова произносит! Тут баронесса спокойно говорит: «Уходите вон и не смейте возвращаться». А он губы распялил и: «Сами позовете!» Подумать только! И ведь ушел! В передней дверью хлопнул. Только погодите, дело-то еще только начинается. Он, значит, дверью хлопнул, а с другой стороны, слышим, точно кто заикается: «А-а-а... а-а-а...» Оборачиваемся — барон! Лицо задрал — одни ноздри, и в бороде кусок яичницы трясется. Хочет что-то выговорить и не может. Ну до того страшно! Я чего-то особенно этой яичницы в бороде испугалась. Последние, думаю, времена наступили. А баронесса побелела вся, однако смеется: «Грива, Грива, ты чего?» А он все заикается и вдруг: «Кто это у вас сейчас

был?» А она, верите ли, растерялась! Ну кто бы подумал! Такая баба умница... Ну сказала бы: «Кто был, того нет» или... мало ли как. А она только «Грива» да «Грива». Тут уж я набралась духу и говорю: «А это, разве не знаете, один тут старичок блаженненький». Тут она немножко в себя пришла и говорит: «Чего ты? Не понимаю. Это нужный человек, он мне помогает на бирже играть». А тот опять за свою волынку: «А-а-а, а о ком он говорил?» А баронесса смеется. «Представь себе, — говорит, — этот старый шут, кажется, в меня влюбился... И во всяком случае, ему, по-видимому, обидно, что я каталась с Верочкой и ее мужем, а его мы в свою компанию не принимаем». Ну и затарантила... Гляжу — он и отошел, улыбаться стал. Потом попрощался и пошел. Все, кажется, обошлось, а тут опять комедь. Баронесса моя глаза закатила, да как завизжит: «Боюсь, боюсь, боюсь!» Ногами бьет, всю ее корчит... Уж и намучилась я с ней — и водой, и одеколоном, — прямо всю даже ботэ *красот у её* с лица смыла, — потом, как пришла в себя, к Кева звонила, скорее мамзель с красотой прислать. И чего она так — понять не могу. Я уж допытывалась, что не того ли она боится, что американец совсем ушел и деньги унес. Так она даже улыбнулась. «Я, — говорит, — его сама больше на порог не пущу. Уж если человек смел таким тоном заговорить, так такой человек больше никуда не годится. Он как яблоко с червем, не знаешь, как кусить, откуда пакость вылезет». Со мной-то она откровенна, знает, что я никому никогда... Целый день по домам ходишь — мало ли чего наслушаешься, если начать сплетни разносить, тоже хорошего мало.

Наташа - Чего же она испугалась?..

Фифиса - А кто ее знает. Мне уж даже в голову пришло — да уж очень как-то невероятно, — неужели она испугалась, что барон что-то понял? Неужто он и впрямь ничего не знает! Тут перед самым его носом такая, как говорится, щепетильная жизнь, и вдруг он ничего не замечает. Воля ваша — по верить трудно. Что ж он, уже совсем идиот, что ли?

Наташа (*задумчиво*) - А может быть, так любит, что не хочет видеть?

Фифиса - А если не хочет, так чего же вылез? Чего ноздри раздул? Ну и дела! И до чего же все это было страшно! Ну, думаю, Бог с ними и с деньгами. Не пойду больше к ним ни за что, еще в свидетели попадешь. Ну, однако, вчера все как будто утихомирилось. Американец три корзинищи роз приворотил. Она его и на порог не пустила — верно, этого самого червя боится, хю-хю-хю! Ну и дела! Я, между прочим, думаю, что у ней, пожалуй, какой-нибудь другой ерш на прицепе, а то бы так не фыркала... *(продолжает от-от рещать)*

Наташа - Если бы все всё время не говорили о Гастоне, я давно бы его забыла.

Автор Но о нем говорил у Велевич отставной Галтимор, потому что упомянул о Любаше...

Наташа – А у Любаши была стофранковка с зеленым пятном...

Автор ...происхождение которой так и осталось невыясненным...

Наташа - О Гастоне говорила Фифиса, потому что опять-таки рассказывала о Любаше.

Автор О Гастоне говорили собственные Наташины руки...

Наташа - ... потому что Гастон советовал подкрасить ногти...

Автор Внешне жизнь текла обычно и ровно. В мастерской спешно сдавали последние заказы, назначили день для сольд, манекены и продавщицы толковали между собой о каникулах и о том, кто куда поедет.

Манекен Вэра вела себя загадочно, о своих планах никому не рассказывала, но давала понять, что все, может быть, удивятся. Мосье Брюнето был погружен в работу по уши. Он непритворно хлопотал, разъезжал, звонил по телефону, рылся в счетах и торговых книгах.

Что касается мадам Манель — то тут появилось нечто новое. Появилась неожиданная почти нежность к Наташе. Она кивала ей головой, улыбалась, любовно поправляла ей локоны и всячески выделяла из общей стаи легконогих девиц. В своей тоске и тревоге Наташа почти не замечала этой лестной для нее

перемены.

Наташа - Дело в том, что в мастерской тоже говорили о Гастоне, потому что говорили о дансерах, а о дансерах говорил Галтимор, когда рассказывал, что встретил Любашу.

Автор И говорили о ночных ресторанах, и она вспомнила тот вечер, когда увидела его «с покойным другом» его отца.

Наташа – «Покойный друг отца»... Нет. Я ни капельки в этого типа не влюблена...

Автор Но он внес в ее жизнь что-то ядовито-тревожное, замутил, как морская сепия, воду ее жизни, и в этой черной воде где-то шевелилось чудовище, которое погубит ее, и она не видела его и имени его не знала, но чувствовала, что оно здесь, и плакала во сне... Так прошло время. И настал день...

Tes pleurs coulaient pour moi, ma levre a bu tes pleurs. *Anatole France*
Твои слезы текли для меня, мои губы выпили твои слёзы. Анатоль Франс

Je t'apporterai un jeune pivot aux petales de pourpre. *The'ocrite. Le Cyclope*
Я принесу тебе свежий мак с пурпурными лепестками. Феокрит. «Циклоп»

- Такая, я тебе скажу, живодерность в них сидит, во всех до
единой, в этих ангелах, — то, без которых жить-то нам невозможно!

Ф. Достоевский. "Братья Карамазовы"

Автор Она только что пришла из мастерской, когда он постучал к ней в дверь и, не ожидая ответа, вошел.

Наташу поразил его возбужденный, почти безумный вид.

Наташа - Щеки горят... запавшие глаза красны и лихорадочно томны...

Гастон - Я уже два раза был здесь сегодня... Ходил, ждал перед вашей мастерской и не видел, как вы прошли.

Автор Он вдруг опустился на колени, схватил Наташины руки, прижался к ним лицом и заплакал. Наташа вся затихла и ждала.

Наташа - Как странно... Вся эта истерическая тревога последних дней вдруг отошла, и это неожиданное и такое удивительное его появление не взволновало и не удивило, а, напротив, как-то чудесно успокоило...

Автор Он поднялся, встал рядом с ней заплаканный, как ребенок, с припухшим ртом.

Гастон - Наташа! Вы одна у меня на свете, вы — единственное существо, которое можно и надо любить. Вы не знаете, какие есть подлые, низкие души. Они не успокоятся, пока не сделают из вас негодяя... Нет, этого им мало! Они хотят сделать из вас самого черта, и тогда... тогда отшвырнут его... потому что с ним стыдно показаться, все видят его рога и копыта...

Автор Он снова зарыдал. Наташа ласково гладила его по голове.

Наташа - Вас обидели, бедный мой мальчик?

Гастон - Наташа!.. Наташа, полюби меня, удержи меня около себя, не отпускай. Я люблю тебя,.. Будем вместе с сегодняшней ночи навсегда...

Автор Он плакал и целовал ее солеными от слез горячими губами.

Гастон - Я не уйду от тебя сегодня... Ты не прогонишь меня? Я такой несчастный... Я пришел к тебе навсегда... Ты не оттолкнешь меня?

Наташа (*серьёзно и груст но*) –Нет... Нет. Я ждала тебя.

Автор Уже светало. На улице гремели жестянки мусорщиков. Постукивая глухим звонком, прошел трамвай. Гастон спал, закинув голову, стонал и метался во сне. Наташа нагнулась к его лицу. Оно пылало...

Наташа - Он болен?..

Автор Она провела рукой по его лбу. Он открыл мутные, красные глаза и со стоном закрыл их снова.

Наташа - Ты болен, Гастон?

Гастон - Ужасно болит голова...

Автор Она встала, поправила ему подушку, прикрыла его одеялом, села рядом на стул и долго, жадно рассматривала его.

Наташа - Вот он — этот неведомый и жуткий, так странно вошедший в мою жизнь. И во сне у него то же детское пухлое лицо, рот обиженного ребенка, нежная молодая шея.

Автор И вдруг она вздрогнула: на подушке рядом с этим милым лицом лежала его рука, огромная, с далеко отставленным, непомерно длинным большим пальцем.

Наташа - Рука душителя!

Чей-то голос (*издалека*) «Вы и не знаете, сколько бродит по Парижу всяких извращенных, больных людей, чудовищных эротоманов, садистов, душителей. В таком большом городе им легче спрятаться...»

Наташа - Что я знаю о нем, об этом мальчике? Кое-какие догадки, очень нехорошие... Как могло случиться, что я оставила его у себя? Какое-то наваждение...

Автор Гастон вздрогнул. По лицу его пробежала судорога ужаса, и с невыразимой тоской отчетливо сказал он по-немецки:

Гастон -Ich habe Angst, Mama! (*Мне ст рашно, мама!*)

Автор Наташа вскинулась, точно это ее позвал он на помощь, охватила обеими руками его плечи.

Наташа -Мальчик мой, бедный заблудившийся мальчик! Я не оставлю тебя!

Автор И в этом слове «мальчик мой» определилась, вылилась в него, как в форму, и отвердела ее любовь.

Женская любовь очень отлична от любви мужской. Мужчина почти всегда знает, кого любит. Он, конечно, может преувеличивать достоинства или недостатки любимой женщины, но тот облик, который он любит, есть облик истинный, украшенный или слегка искаженный, но настоящий.

Он любит свою жену или любовницу, Марию Петровну — докторшу, а не

Валькирию, или Елену Павловну — актрису, а не «крошечного котеночка». Женщина, если только она не совсем тускла духовно, берет любимого человека как тему, которую разрабатывает сообразно своему свойству любить. Есть женщины, создающие из любимого человека непременно великого героя, будь он при этом хоть аптекарский помощник. Есть — ищущие и находящие рыцаря духа в коммивояжере, исключительно своему скромному делу преданному, есть, наконец, — и это самый горький и самый подвижнический лик любви — любовь к возлюбленному материнская. В форму, создаваемую ею, свободно вливаются и отъявленные негодяи — их остро жаль как заблудших, и люди глупые — глупость умиляет, и ничтожные — ничтожные особенно любимы потому, что жалки и беспомощны, как дети.

Любовь к героям самая яркая, но зато и самая хрупкая. Она с трудом прощает ячмень, вскочивший на глазу героя, его неудачную остроту. Любовь к рыцарю духа, восторженная и чудесная, тоже не очень прочна. Она почти всегда обречена на разочарование. И никакой фантазией не сотрешь карточные долгишки, служебные интрижки и всяческую «смену вех»!

Любовь материнская простит все, все примет и все благословит.

«Мальчик мой!» — сказала Наташа, и обрекла себя, и заплакала от боли и счастья.

Она встала, приготовила чай, напоила Гастона. Он молча выпил несколько глотков, взглянул на нее мутными глазами, улыбнулся ласково и жалко и снова заснул.

Наташа - Пора идти в мастерскую. Но как его оставить такого? *(от крыла дверь)* Коридорный!..

Коридорный – Да, мадмуазель?..

Наташа – Позвоните, пожалуйста к Манель и скажите, что у меня грипп.

Коридорный – Хорошо, мадмуазель. *(Гаст он бредит)*

Автор Целый день просидела она около него, жадно прислушиваясь к его

сонному бормотанию. Иногда ей казалось, что она улавливает какие-то нефранцузские слова. Но ничего, кроме той фразы: «Ich habe Angst, Mama!» — так и не расслышала... Под вечер он пришел в себя.

Гастон – Наташа... Как же болит голова и ломота какая-то... Я не мог уйти от тебя, Наташа, я слишком болен.

Автор Она счастлива была, что он не может уйти.

Наташа – Давай я устрою тебя поудобнее... Могу съездить к тебе в отель за бельем и пижамой.

Гастон - Нет, туда не стоит...Лучше съездить на Северный вокзал, там у меня чемодан на хранении. В нем все есть.

Наташа (*удивлённо*) - Разве ты собирался уезжать?

Гастон (*устало*) - Потом...

Автор Вечером он дал ей квитанцию, и она съездила за чемоданом. Оказалось, что он был отдан на хранение еще две недели тому назад.

Наташа - Может быть, там окажется какая-нибудь женщина, разрезанная на куски...

Автор Наташа посмеивалась, но не было ей ни спокойно, ни весело.

В чемодане, однако, никаких ужасов не оказалось. Было белье, платье и башмаки. Гастон, полузакрыв глаза, смотрел, как она доставала его вещи.

Гастон - Это для любительского спектакля...

Наташа - Что — для спектакля? Платье?

Гастон (*сонно*) – Усы.

Автор Она не поняла, о чем он говорит, и, только вынув все, увидела на дне завернутые в папиросную бумагу маленькие прядки волос. Это были накладные усики.

На другой день он почувствовал себя лучше, надел какую-то невероятную пижаму в синих павлинах, зеленых драконах и золотых цветах, волнующую и знойную, как восточный сон, и сидел на кровати среди подушек томный, как

принц из персидской сказки.

Горничная, убирая комнату, лукаво на него поглядывала, и он улыбался ей, и веселые ямочки дрожали около его рта.

Наташа - Почему ты держал чемодан на вокзале? Ты собирался уехать?

Гастон - Да, кажется, собирался. Впрочем, нет. Я просто менял квартиру, и так вышло удобнее всего.

Автор Он уже не был экзальтированно-нежен, как вечером. Но был очень ласков и много рассказывал всякой ерунды, которая волновала Наташу. Рассказывал, например, что у него был брат Жак, очень дурной мальчик...

Гастон - Когда Жаку было шестнадцать лет, он влюбился в цирковую наездницу и всё придумывал, как бы раздобыть денег. Он знал, что к женщинам с пустыми руками не являются... И знаешь, что он сделал? Пришел к отцу портной примерять костюм и оставил в передней свою бобровую шапку. Пока он примерял, Жак успел сбегать и заложить эту самую шапку! И никогда никто об этом не узнал, ха-ха-ха!

Наташа - А ты же, однако, знаешь... Господи, да ведь брат Жак — это и есть он сам.

Автор И потом, много раз слыша о подвигах брата Жака, уже знала, что он рассказывает о себе, но никогда о своей догадке Гастону не говорила.

Через два дня пришлось Наташе пойти на службу. Она боялась, что Манель, обеспокоенная ее долгим отсутствием и болезнью.

Наташа - Пришлет какую-нибудь из своих девиц наведаться, и выйдет неловко, если застанут меня здоровую в обществе такого восточного попугая...

Автор Какое милое тепло в сердце — возвращаться к себе, когда знаешь, что тебя ждут!

Наташа - Мой мальчик, мой милый, нехороший мальчик!

Автор По дороге забежала в магазин, купила ленты для своего халатика...

Наташа - Надо быть элегантной...

Автор Купила на обед жареного цыпленка, винограда и вина.

Наташа – Надо его накормить...

Автор Подходя к дому, взглянула, улыбаясь, на свое окно. Оно было темно.

Наташа - Мальчик спит...

Автор Тихонько открыла дверь, повернула выключатель... Комната была пуста. Огляделась: чемодана тоже не было. Значит, ушел совсем. Ни записки, ничего...

Наташа (*от крив дверь, спокойно*) Коридорный! Вы не видели мосье?..

Коридорный - Мосье ушел уже давно, перед завтраком...

Наташа – Спасибо... (*закрывает дверь*)

Автор Это спокойствие она очень долго подготавливала, уткнувшись лицом в подушку.

...Qu'important tes trahisons,
Des levres que nous baisons,
Si ces levres sont jolies?..

Что о т акое измены, если губы, кот орые мы целуем. - прекрасные губы?

Французская песенка

Соболиное одеяло

Не согреет мою белу грудь... *Русская песня*

Автор То, что Наташа считала исключительным, и немислимым, и неповторимым, пришло, и повторилось, и основалось как новый быт ее жизни.

Гастон вернулся через два дня, бледненький, худой.

Это было воскресенье, и Наташа сидела дома.

Он с милой, смущенной улыбкой поцеловал ей руку и прилег на постель, полузакрыв глаза.

Наташа - Ты еще болен, Гастон? Зачем же ты ушел тогда? И ничего не сказал? Зачем же ты так делаешь?

Гастон - Я почувствовал себя лучше и не хотел больше стеснять тебя.

Наташа - Отчего же не оставил записки?

Гастон - Ах, терпеть не могу! Я же знал, что скоро приду и что ты будешь рада. Ведь ты рада?

Автор Она была рада...

И много раз приходил он так и уходил всегда неожиданно. И, уходя, не оставлял никакого знака, никакого следа своего пребывания. Он иногда курил, но ни разу не находила Наташа окурка в пепельнице.

Наташа - Неужели он уносит их с собой?.. Не написал мне ни разу ни одной записки... Может быть, его вообще нет на свете?.. Может быть, я сама его придумала?..

Автор Приходил, уходил. Иногда оставался у нее по два и даже по три дня, иногда полчаса — и уходил дней на пять. Так перебоями, как больное сердце, билось ее странное счастье...

Были минуты, о которых она много думала потом, когда наступили беспощадные дни ее жизни. Была одна ночь. Вся в снах, неуловимых и тоскливых. И от тоски этих снов проснулась Наташа и с плачем обняла своего теплого сонного мальчика и по-русски, по-бабьи, запричитала над ним...

Наташа -Мука ты моя, любимый мой! Ничего я о тебе не знаю. Откуда ты? Кто ты? Куда тянешь меня? И спрашивать не хочу. И знать не хочу — только больнее будет, потому что все равно уйти от тебя не смогу.

Автор Гастон лежал тихо. Ей показалось, что он что-то понял... Он повернул к ней лицо, бледное в мутном рассвете...

Гастон - Вы очень нервная, Наташа. Зачем вы плачете? Я знаю, что вы меня очень любите и никогда не оставите и, если нужно будет, поможете во всем. Вы моя настоящая подруга, какая мне была нужна.

Автор И еще вспомнила она свой истерический порыв.

Наташа - Был душный вечер. Мы сидели рядом, обнявшись, не зажигая огня.

Автор Сладкий и томный запах его духов, всегда беспокойный, к которому

привыкнуть нельзя, и тонкий золотистый аромат ветерка, падавший откуда-то сверху, точно это был запах звезд, волновали горько и страстно.

Наташа - Мальчик мой...

Автор Она называла его «Госс», выходило что-то вроде сокращения от Гастона...

Наташа - Мальчик мой! Госс... Хочешь, мы расскажем сегодня друг другу всю свою жизнь, все без утайки. Откроемся друг другу до дна, и это соединит нас. Я никому о себе не рассказывала. Я в первый раз в жизни хочу отдать себя всю. А ты хочешь?

Гастон *(равнодушно)* - Да. Хочу...

Автор Она крепко прижалась к нему и, закрыв глаза, стала исповедоваться...

Наташа - Теперь ты расскажи мне о себе. Все. Понимаешь? Так же, как я.

Гастон – Хорошо... *(закуривая)* Отец мой был выходцем из Америки и женился на датчанке, княжеской крови...

Автор Наташа дальше уже не слушала. Она горько смеялась, глотая слезы и гладила его по голове...

Наташа – Да, да, мой мальчик, да... княжеской крови... Я слушаю тебя... рассказывай... да, да!..

Автор Он долго тянул какую-то ерунду о каком-то миллионном наследстве, о какой-то испанской графине, влюбившейся сначала в его отца, потом в него самого...

Наташа - Да, да... Бедный мой, заблудившийся мальчик! Да... да...

Автор Да... да... повторяла Наташа, сжимая себе горло рукой, чтобы не разрыдаться громко.

И еще вспоминала она разговор в ресторанчике, за завтраком.

Наташа - День был серенький, спокойный. За окном дрожал мелкий невидимый дождь...

Автор Два красных квадратных француза ели телячьи головы. Меланхолии-

ческий лакей в грязном переднике смотрел на облака и не отзывался на оклик.

Наташа - Все было так просто, буднично, бестревожно...

Автор И тот ужасный вопрос, который Наташа готовила столько дней и ночей, вдруг прозвенел так спокойно, естественно и просто, что она сама удивилась...

Наташа - Скажи, мальчик, у тебя так много всяких знакомых — не встречал ли ты русскую баронессу Любашу Вирх?

Гастон (*лениво*) - Кого?

Наташа - Любашу Вирх.

Гастон - А какая она?

Наташа - Немолодая... очень раскрашенная, рыжеватая...

Гастон - Дорогая моя, я столько видал всей этой шушеры, всех этих русских roules, что, право, даже не помню, у какой из них какая рожа. Но имени, которое ты назвала, я, кажется, не слышал. Верно, что-нибудь не особенно значительное.

Автор Они уже заговорили о другом, но Наташе захотелось снова вернуться к той же теме. Слишком долго думала она о ней, слишком много представляла себе этот разговор, чтобы не насытиться вдоволь преодоленным и нестрашным. Так ребенок, долго боявшийся погладить кошку, потом, радостно смеясь, тянется еще и еще.

Наташа - Скажи, Госс, ты вообще не любишь женщин этой категории?

Гастон (*лениво*) - Проституток? Нет, не люблю. Это же скучно. Вообще всякое ремесло скучно. Я лентяй, сам не люблю работать и даже не люблю смотреть, как другие работают. Мне за них лень.

Наташа - Да, мне тоже казалось... Мне казалось, что эти продажные женщины неинтересны.

Автор Он улыбнулся странно, как-то снисходительно и в то же время злобно.

Гастон - Да, когда они продаются, они неинтересны. В этом ты права. Но если сможешь заставить такую женщину полюбить...

Автор У него голос пресекся, так что он даже дотронулся до горла.

Гастон - ...Заставить полюбить, то нет в мире счастья, равного тому блаженству, которое она может дать!

Автор Он чуть-чуть побледнел, словно сразу осунулся, и на лицо его медленно наплывало то выражение удивления и восторга, которое Наташа видела у него, когда он играл Рахманинова.

Наташа - Ты... ты... зна... знаешь это?

Гастон (*т очно не сразу понимая с кем говорит*) - Я? Нет, нет. Я ровно ничего не знаю.

Автор Этот разговор она потом, в другие дни, вспоминала чаще всего. Думая о Любаше, ища ее в жизни Гастона, Наташа не ревновала его, и не ревность заставила ее задать наконец мучивший ее вопрос. Этого горького хлеба она еще не вкусила, он еще хранился где-то на полочке...

Наташа (*наст ойчиво*) - Уловить нити, найти, понять, узнать, кто ее любовник. Не для того, чтобы успокоиться — пусть он даже окажется беглым каторжником. Выйти наконец из тумана тревог, догадок и подозрений на определенную дорогу и идти по ней с открытыми глазами — на позор, на гибель, но видеть и знать всё...

Автор А он приходил неведомо когда, уходил бесследно, как галлюцинация.

После его болезни повелось так, что он сразу ложился, а она хлопотала вокруг него, поила его чаем, бегала за папиросами. Сначала потому, что он действительно был слаб, потом вошло в обычай.

Наташа - Нехороший обычай...

Автор Люди часто не представляют себе, какое огромное значение в их взаимоотношениях имеет та или другая «обычная поза». Как она отражается в самых тайных глубинах души.

Мужчина, ходящий большими шагами по комнате, заложив руки за спину и круто поворачиваясь на каблуках, какую бы ахинею он при этом ни нес, — он диктует свои директивы, он умница, в том, кто сидит и слушает, — его душевная поза — приниженность, внимание, робкое любованье.

Человек лежит на диване и говорит томно:

— Передайте мне, пожалуйста, спички. *(чей-т о голос вт орит)*

Другой идет за спичками, приносит, подает, если уронит — поднимает. Он служит первому, нежному, хрупкому, будь тот хоть девяносто кило весу, с бычьей шеей.

Человек сидит в кресле, заложив ногу за ногу, чуть-чуть этой заложенной ногой покачивает, медленно затягивается папироской, отпятив вбок подбородок.

Другой — вертится на стуле, вскакивает, ерошит волосы, путает слова.

Душевная поза первого: спокойный, мудрый джентльмен, для которого вопрос давно ясен. А между тем именно сумбурная беспокойная путаница в его тупой башке так поджаривает пятки его умного и дельного партнера.

И не думайте, что дело здесь просто и чисто внешне.

Нет. У нас есть глубокая психологическая привычка искать за формой обычного для нее содержания, и мы непременно должны сделать некое усилие, «дерзнуть», разбить эту форму, отбросить ее, если почуем, что она лжива, и всегда идем на это «дерзание» с трудом и неохотой.

Если вы встретите осанистого старика с великолепной бородой, мудрыми бровями и репутацией крупного общественного или государственного деятеля — как трудно, как до жестокости тяжело будет вам признать, что перед вами просто старый дурак...

Наташа - Но — довольно об этом...

Автор Довольно... Гастон всегда валялся. Наташа вокруг него суежилась.

L'irritation compose l'atmosphere de toute vie commune, ou
Dieu n'est pas. *Fr. Mauriac*

Раздражение является атмосферой всей общественной жизни, где нет Бога.

Фр. Мориак

L'esprit de la plupart des femmes sert plus a fortifier leur folie que leur raison.

La Rochefoucauld

Ум большинства женщин служит им больше для того, чтобы защищать их выдумки, нежели доводы разума. Ларошфуко

Автор В мастерской начались новости: манекен Вэра укатила в отпуск, прихватив с собой без спроса несколько платьев и купальных костюмов. **Наташа** - Прислала из Juan les Pins довольно наглое письмо, что она это сделала в интересах фирмы, так как будет демонстрировать туалеты на пляже. **Мадам Манель**, которая рассчитывала на эти вещи для подготавливаемой дешевой распродажи, очень расстроилась, а от наглости Вэра даже растерялась.

Автор Когда Наташа рассказала об этой истории Гастону, он деловито задумался...

Гастон - Видишь, как это все просто! Советую тебе сделать то же самое. Мы поедем куда-нибудь купаться, и тебе нужно быть прилично одетой.

Наташа - Может быть, тогда лучше попросить у мадам Манель разрешения?

Гастон - Ерунда. Если будешь просить — наверное откажет. Можешь ей потом прислать очень любезное письмо, что, мол, ее туалеты пользуются большим успехом и ты уже набрала много заказов. Она теперь такая ошалелая, что ничего не разберет и еще сама тебя благодарить станет.

Наташа - Отчего ты думаешь, что она ошалелая?

Гастон - Ну вот! Весь Париж знает. Брюнето с ней разошелся. Бедная крошка страдает — ха-ха-ха! Рекомендуй меня в директора, а? Nein? Хорошо?

Наташа - Мне не нравятся такие шутки.

Гастон - Тогда я повторю это серьезно. Так тебе больше понравится?

Наташа - Почему я так уродливо связала свою жизнь с этим мальчишкой?

Он глуп, он нечестен... Зачем мне все это? Если бы я завела просто пуделя, я не была бы так одинока, как с ним...

Автор Гастон, по-детски надув верхнюю губу, старательно подпиливал ногти. Наташа взглянула на него, и бессмысленная жалость, как теплые слезы, залила ее душу.

Наташа - Бедный, заблудившийся мальчик. Госс! Отчего ты сегодня такой бледный? Может быть, ты не ел?

Автор В конце августа Гастон сказал, что должен ехать по делу в Берлин, и предложил Наташе сопровождать его.

Гастон - В Берлине я получу деньги, и мы поедем купаться в Остенде. Хочешь? Только сделай махинацию с костюмами, о которой мы говорили. Но не бери ничего вызывающего. Ты должна быть барыней, дамой из лучшего общества. Очень глупо выделывать из себя кокотку — только отпугивать людей.

Наташа - Что это ты, точно торговать мной собираешься?

Гастон - Ты все понимаешь чрезвычайно глупо.

Автор После этого он скоро ушел и не показывался два дня. И за эти два дня Наташа «одумалась».

Наташа - Действительно, к чему эта русская растяпость? Почему, когда Вэра уволокла костюмы, никто ее не презирает и преступницей не считает? В жизни надо уметь изворачиваться. С чем я поеду в Остенде? С одной пижамой собственного производства и буржуазно-пресным полосатеньким трико. Щеголять такой тетенькой рядом с молодым элегантным мальчиком!.. Нет. Риск слишком велик.

Автор Вопрос о костюмах был разрешен быстро и бесповоротно.

Наташа На всякий случай посоветую Манель в этом году открытой распродажи не делать. Может, раздать кое-что по рукам. Вот! Придумала комбинацию: скажу, что сдала выбранные туалеты для продажи, а когда вернусь из Остенде, возвращу их Манель и скажу, что покупателя не нашла. А может быть, кое-что

из платьев и удастся продать по возвращении в Париж через Луизу Ивановну, через Гарибальди.

Автор Гастон все одобрил, но таким тоном, точно удивлялся ее глупости

Гастон – Вт видишь?... Разве можно было сделать иначе?

Наташа - Последнее время с ним стало раздражительно скучно... (*Гаст ону*)

Что ж, будем готовиться к отъезду?..

Автор Платья и костюмы отобраны и потихоньку унесены из мастерской.

Маленькое сердцебиение, но в общем все сошло гладко.

Наташа - Если бы у меня не было такое слабое сердце, мне жилось бы проще.

Автор Прибежала в последний раз Фифиса. Гастон всегда уходил, когда ожидался визит маникюрши.

Наташа (*вслед Гаст ону*) - Ценю это как деликатность. (*дверь хлопнула*)

Автор Фифиса, конечно, затарантила, и, конечно, больше всего о Любаше.

Фифиса - Наша-то баронесса какого ерша себе подцепила! Итальянец, маркиз, мужчина, как говорится, во всю щеку, и молодой, и богатый. Глазища черные, круглые, ровно деревенское колесо, морда желтая, что брюква — а хорош! И всюду свои портреты развесил. Как в переднюю войдешь — огромный, во весь рост, и в шляпе. Улыбается. И в салоне портрет во фраке, и в столовой портрет — сидит на каком-то не то памятнике, не то черт его знает, и яблоки кушает. Это, значит, для столовой. Пошла в ванную руки мыть — и там он. В трико на морском песочке. Я уж даже посмеялась баронессе: чего уж так больно много? А она говорит — это он все сам и приколачивал, сам и развешивал. Такой, значит, уж любитель. Жаль — не все углы обошла, а то бы — хю-хю-хю!.. Ох, грехи! Ей-Богу, обхохочешься.

Наташа - Может быть, такая-то жизнь и проще, и приятнее... Ну что же, она довольна?

Фифиса - Очень даже довольна. Новый рояль получила, и вместе, говорит,

романсы поют. Тот-то ведь, американец с червем, совсем уж Квазиморда был. А тут она мне с улыбкой на ушко шепотком (она ведь знает, что я никому...): «Он мне, — говорит, — нравится». Ну что ж, это хорошо. И человек богатый, и нравится. А то у нашей сестры все больше так, что, как понравится, так, значит, деньги и вытащил...

Автор Выехали в Берлин как-то безрадостно. Гастон был рассеян, отвечал невпопад. Наташа, усталая и грустная, закрывала глаза и молчала. И даже думать ни о чем не могла. Душа ее свои глаза закрыла тоже.

В Берлине пробыли только сутки. Гастон ушел, едва успев переодеться, и вернулся только к утру.

Гастон - Мы сегодня же уедем. Поедем в Варнемюнде. Это, говорят, очень хорошенький немецкий пляж. Посидим там дней десять, мне за это время пришлют деньги, и мы сможем поехать в Остенде или Довилль. Хорошо?

Автор Наташа устало согласилась.

Heirate mich und sei mein
Weib,
Otilie,
Damit ich fromm wie du und
glücklich sei! *H. Heine*

Возьми меня в мужа От илия, будь счастлива. И стану я благочестив, как ты!
Г.Гейне

Грех велик христианское имя!
Нарещи такой поганой твари.

А. Пушкин. Песни Западных славян

Наташа - Варнемюнде... Маленький отельчик... На пляже немцы с детьми, целыми семьями.

Автор Огромные тростниковые кабинки с мешками, с карманами, из которых торчат кастрюльки, детское белье и жирные куски свинятины и

гусятины в промасленных бумажках.

Наташа - Фатер лежит, муттер сидит, дети бегают и ползают — в зависимости от возраста...У фатера газета и сигара...

Автор У муттер — вязанье.

Наташа - У детей - лопатки.

Автор Окапывают глубокими канавами свою кабинку, окружают высоким валом из песка, чтобы вечерний прилив не замочил песок под их жилищем.

Наташа - Какое множество детей! Белые, толстые, сытые...

Автор Многие из них послужат потом этим белым сытым мясом будущему благополучию своей родины...

Наташа - Море голубовато-серое, цвета копенгагенского фарфора... Чайки...

Автор В маленьком отельчике чисто и некрасиво.

Наташа - Пахнет рыбой и салом от всего: от тарелок, от постельного белья и от шерстяных цветов, натканых в бездарные вазочки, украшающие столы.

Автор В холле за бюро — кассирша.

Наташа - Физиономия ее напоминает яйцо, повернутое острым концом кверху. В самом центре — рот...

Автор Наверху в узком конце яйца кое-как помещаются маленькие глазки, украшенные собачьими бровями...

Наташа - Лоб со взбитыми кудельками и круглый носик...

Автор Нижняя часть яйца, огромная и пустая, расплывается и лежит прямо на плечах без малейшего признака шеи, подпертая спереди круглой брошкой с портретом племянника.

Плотно стянутое, твердое, как пробка, туловище и такие коротенькие ножки...

Фрау Фрош — зовут эту даму.

Наташу она невзлюбила с первого взгляда, но Гастон ее очаровал.

Наташа - Впрочем, вероятно, оттого она и невзлюбила меня, что Гастон ее очаровал.

Автор Фрау Фрош было не больше сорока пяти лет... ..

Наташа - Гастон явно кокетничает с ней... Проходя мимо бюро, снимает шляпу несколько раз, улыбается своей смущенной улыбкой, и ямочки дрожат в уголках рта.

Автор Иногда Наташа заставляла его в грациозной позе, опирающегося об ее конторку и что-то воркующего.

В бюро стояло разбитое пианино. Он часто присаживался около него и, тихо аккомпанируя, напевал какую-то немецкую песенку...

Гастон Du kannst mich wohl verlassen
Vergessen kannst du nie...

Автор И уж конечно знаменитое...

Гастон Ich kusse ihre Hand, Madame...

Автор Лицо фрау Фрош покрывалось от волнения куриным салом и красными пятнами.

Наташа - Я удивляюсь, Госс, какое тебе удовольствие волновать эту жабу? Неужели не противно?

Гастон (*смеясь*) - Глупенькая, ты представить себе не можешь, до чего это смешно! Она воображает, что нравится мне, и даже сказала, что ревнует меня к тебе. Ха-ха-ха! Я думаю, если ее поцеловать крепко в правую щеку, так с левой стороны выскочат все зубы! И подумай только, ведь ее зовут Оттилия! Оттилия! Ха-ха-ха! Я ее теперь так и называю.

Автор Наташа пожимала плечами, но вся эта комедия была ей безгранично противна...

Наташа - Противны эти ревнивые взгляды кассирши и противно улыбающееся лицо Гастона, когда он, прищуря глаза, напевает чувственным хриплым говорком...

Гастон Vergessen kannst du mich nie...

Автор И скучно было... Публика серенькая, одеваться для нее не стоило.
Наташа - Семейные немцы... Скучное, некрасивое море... Чайки...

Je nage a fleur des eaux... Je plonge... La bete fond sur moi, la bete...

Non, c'est son ombre... *Paul Fort*

*Я плыву к цвет ку вод. Я погруж аюсь... Зверь кидает ся на меня... Нет, эт о
т олько его т ень.* *Поль Фор*

...Langoisse reelle doit etre consideree comme une manifestation des instincts
des conservation de moi. *Freud*

*Наст оящее т ревож ное сост ояние долж но рассмат риват ься, как
проявление инст инкт ов самосохранения.* *З. Фрейд*

Автор Гастон часто посылал ее на почту спрашивать письма до востребования, и все на разные буквы, которые он записывал на бумажке и никогда не забывал отобрать от нее эту бумажку и разорвать на мелкие кусочки.

Наташа - Письма приходили редко...

Автор Он их уничтожал тщательно — уходил на пляж, делал в песке ямку и сжигал.

Наташа - Скучает он, по-видимому, отчаянно, и если не кокетничает с фрау Фрош, то уныло и раздраженно молчит...

Гастон - Следовало бы сыграть штуку с этой старой дурой. Я буду ей петь песенки и подзову ее к роялю, а ты подсматривай из-за портьеры, и когда я возьму ее за руки и поверну спиной к кассе — у нее касса всегда открыта, тебе достаточно только протянуть руку, чтобы схватить пачку кредиток... они перетянуты резиночкой — там тысячи две марок...

Наташа (холодно) - Ты с ума сошел! Мы еще начнем деньги таскать, того не хватало.

Автор Но она и не удивилась, и не рассердилась. Она даже обрадовалась, потому что наконец поняла игру Гастона с кассиршей. То раздражение, почти

ревность, которое она испытывала, видя его все время с фрау Фрош, угнетало ее и беспокоило, и унижительно.

Наташа - Теперь все стало ясно...

Гастон - Я был уверен, что ты и на это неспособна. Это была шутка с моей стороны. Но ты и шутить не умеешь. Ты олицетворенная хандра. С тобой очень тяжело.

Автор Наташа испугалась его слов, не знала, что сказать, не умела повернуть в шутку ответ и не смела заговорить серьезно.

Он встал и искусственно спокойной походкой вышел из комнаты. Тогда она вскочила и стала прислушиваться — не пошел ли он к кассирше, но тут же увидела его через окно.

Наташа - Идёт с папироской в зубах по направлению к купальням...

Автор Вечером они оба делали вид, что забыли размолвку.

Он, впрочем, кажется, искренне забыл.

Гастон - Здесь есть один довольно приличный отель «Павильон»... Я сегодня зашел туда посмотреть публику. Много иностранцев... Пойдем туда обедать. Может, заведем какое-нибудь интересное знакомство.

Автор На другое утро план несколько изменился...

Гастон - Пойдешь обедать одна... Так с тобой скорее заговорят. Потом, если дело того стоит, ты представишь меня как случайного знакомого. Оденься элегантно, но не вызывающе. Ты должна быть дамой из хорошего общества.

Автор Гастон оживился, разрабатывая план, как очаровать богатого американца и занять у него денег, был так мил и ласков, что Наташе захотелось отнестись ко всей этой затее как к забаве.

Наташа - Действительно, кончится тем, что я своим вечно нудным настроением окончательно расхоложу Гастона...

Автор Вечером он сам выбрал, какое Наташе надеть, платье, оглядел с ног до головы и заплодировал...

Гастон - Прелесть!..

Автор Суетился, смеялся...

Наташа - Проходя мимо бюро, я надменно улыбнулась на негодующий взгляд кассирши...

Автор Гастон вышел вместе с ней, но шел по другой стороне улицы, лукаво и весело на нее поглядывая. Наташа шла своей манекенной походкой.

Наташа - Вся эта затея начинает казаться действительно забавной шуткой...

Правда, шуткой не высокого тона, да, в конце концов, не я же ее выбрала, как и всю эту свою жизнь. Сейчас весело — слава Богу...

Автор Публика оказалась не очень интересной. За одним столиком обедали на террасе под оркестр три деловых немца, горячо говорили, тыкая пальцами в какой-то контракт.

Наташа - За другим — пожилая чета северного типа, шведы или датчане.

Автор Но за соседним столиком, прямо лицом к Наташе, сидел солидный господин, до смешного похожий на гигантскую рыбу. В профиль лицо его представляло правильный отрезок круга; очень покатый лоб, слегка расплющенный и потому ровно продолжающий покатую линию лба нос, той же линией загибающаяся верхняя губа...

Наташа - И все заканчивается ртом, потому что подбородка почти нет... Он как-то вливается в воротник, и кончено.

Автор Брови чуть намечались удивленной желтоватой полоской. Стекла пенсне, такие толстые, что казались кусками льда, прикрывали глаза. Стекла какой-то особенной гранки: при повороте вдруг показывался огромный круглый серо-голубой глаз с желтым ободком.

Наташа - Потом снова ледяной блеск, и глаза не видно...

Автор Общий облик этого господина был вполне джентльменский, и, судя по тому, как почтительно извивался перед ним метрдотель, он был, вероятно, клиентом богатым. Из серебряного ведерка на его столе торчало золотое

горлышко шампанского.

Наташа - Как раз то, что нужно.

Автор Наташа грациозно спустила манекенным движением мантию с правого плеча.

Наташа - Смотрит он на меня или нет?.. Из-за этих стекол ничего не поймешь...

Автор Но раз ей показалось, что он, вливая в свой рыбий рот бокал шампанского, смотрел на нее и, ставя бокал на место, чуть-чуть наклонился.

Наташа ответила легкой улыбкой, повернулась в профиль и подняла глаза к небу. Вечер был тихий — прелестные облака над морем, розовые: перистые, как опавшие крылья ангелов, горели сладостно и безбольно.

Наташа - Отчего я так редко смотрела на небо? Надо будет как-нибудь показать такое небо Гастону. Поймет ли он?..

Автор Гастон уже повидал всех здешних куаферов и маникюрш и даже разыскал, несмотря на безвкусию местных магазинов, красивый летний галстук, но неба еще не видел ни разу...

Она глубоко задумалась и сидела меланхолично-нежная, розовая в сиянии вечера.

Наташа - Джентльмен-рыба встал... Стоит, уставя на меня толстые льдины своего пенсне...

Автор Когда она наконец повернула голову, он низко ей поклонился и вышел.

Гастон остался доволен первым опытом.

Он подждал Наташу на дороге, и они вместе весело дошли домой; веселился, собственно говоря, один Гастон. Душа Наташи осталась разнеженной сладкой печалью вечернего неба.

Наташа - Утром пошли купаться, вернее, искать джентльмена-рыбу на пляже.

Автор Искала Наташа. Гастон следил издали, да он и не мог помочь, потому что не знал того в лицо.

Наташа - Искала долго и, как часто бывает, нашла, уже потеряв всякую надежду найти. В том месте пляжа, где сосредоточены были всякие приспособления для прыжков и ныряния, собралась целая толпа купальщиков, кричала, визжала и аплодировала.

Автор Наташа подошла и сразу увидела, что центром внимания был ее вчерашний незнакомец.

Наташа - В сером купальном трико и сером же каучуковом шлеме он еще больше похож на рыбу, и фигура с большим длинным животом и короткими ногами была уж совсем какая-то лосось.

Автор Он был героем пляжа, потому что проделывал самые невероятные штуки. Плыл под водой минут по десять, нырял и выплывал так далеко, что никто не хотел верить, что это он там выкинул руку и приветствует зрителей.

Все, особенно мальчишки, были в восторге.

Наташа - Вы не знаете, кто это такой?

Курортница - Не знаем... Кажется, какой-то голландец.

Курортник - Наверное, профессиональный пловец!..

Автор Наконец герой вышел на берег, полежал минутку на песке, повернулся и, увидев Наташу, сейчас же вскочил и жестом пригласил ее поплавать.

Наташа - Жест был такой: слегка склонился и вытянул обе руки вбок по направлению к морю...

Автор Все было вполне естественно и просто, но Наташе стало от этого приглашения, от этих вытянутых к морю рук как-то тоскливо и жутко. Она неохотно подошла. Обернувшись, увидела улыбающееся лицо Гастона, и прыгнула в воду.

Наташа (*ПЛЫВЁТ*) - Джентльмен-рыба уже в воде, плывёт вперед и всё делает пригласительные жесты...

Автор Потом вдруг исчез... Наташа сейчас же повернула к берегу.

Наташа - Схватит меня за ноги и утопит...

Автор Но джентльмен неожиданно вынырнул перед самым ее носом, когда она уже почти доплыла до берега, и снова сделал пригласительный жест, увлекая ее в море. Но она вышла на берег и легла на песок.

Сердце у нее часто и неровно колотилось.

Наташа - Мне вредно купаться...

Автор Но Гастону о сердце не рассказала...

Наташа - Он подумает, что я уже совсем старая и больная...

Автор На другой день она принесла Гастону с *poste restante до востребования* толстое письмо, очень его обрадовавшее. В письме было триста марок.

Наташа - Он стал реже беседовать с кассиршей и весь ушел в забаву с джентльменом-рыбой...

Автор Знакомство с ним шло не очень-то быстрыми шагами.

Наташа Он ни на одном языке, кроме голландского, не говорил.

Автор Гастон навел справки. Ему сказали, что это богатейший промышленник.

Гастон - Дело подходящее...

Автор Вечером, в день совместного купанья, Наташа нашла около своего прибора букет роз.

Наташа - От кого это?

Метрдотель - Хер ван Фиск...

Автор Метрдотель, слегка улыбнувшись, почтительно указал всем телом в сторону голландца. Тот приподнялся и поклонился.

Наташа - На следующий день купались снова вместе.

Автор И снова у Наташи болело сердце от усталости, от отвращения и страха.

J'aime ton coeur inhumain,

Tu me trahiras demain,

Mot, ce soir...

Stances a Manon

*Я люблю т воё бесчеловечное сердце, т ы меня предашь завт ра, Даю слово, я
т ебя – сегодня вечером...*

Ст ансы для Манон

Автор Чтобы скорее двинуть дело, было решено, что Наташа будет иногда ходить завтракать в отель «Pavilion».

Гастон (смеясь)- Деньги пока что есть. Я субсидирую предприятие.

Наташа - За завтраком голландец послал бокал шампанского...

Автор В тот же день она принесла Гастону с почты письмо с французской маркой.

Наташа - Он был дома.

Автор Письмо было недлинное, но он читал его без конца, медленно переворачивая. Думал о чем-то и снова читал.

Наташа из деликатности обыкновенно отходила в сторону, когда он распечатывал свои письма, но теперь, удивленная, что он так притих, она взглянула на него...

Наташа - Мальчик! Что с тобой?..

Автор Эта серая землистая маска безнадежного отчаяния так не годилась для его пухловатого детского лица, что, сама по себе страшная, она пугала еще больше от этого несоответствия.

Наташа - Он весь был придавлен. Он даже согнулся...

Автор Она бросилась к нему, хотела его обнять, но как-то не посмела. Что-то такое огромное, совсем чужое, совсем неведомое наложило на него сейчас свою руку...

Наташа - И просто, по-прежнему, уже нельзя было подойти к нему.

Автор Он медленно, глядя куда-то мимо Наташи, стал рвать письмо на мелкие кусочки, собрал лоскутки в конверт, сунул в карман и встал.

Наташа - Один крошечный обрывок упал на пол...

Автор С отчаянно забившимся сердцем, точно сознательно совершая гнусное преступление, она наступила ногой на этот обрывок.

Наташа - Знать! Знать! Знать!

Автор Он медленно пошел к двери, тихо, точно с трудом, открыл ее и вышел. Наташа застыла, крепко, до судороги нажимая носком башмака на обрывок письма.

Наташа - Вот он прошел мимо окна... Ушел на пляж сжигать свою тайну.

Автор Наташа подняла бумажку. Руки так дрожали, что трудно было разобрать буквы.

Наташа - На одной стороне лоскутка стояло: «...le l'aime...» И пониже — слово jeune. С другой стороны — ...rini, mon vieux ... и пониже — «faut renon...»
Конец, друж ище.

Автор Наташа закрыла глаза. Письмо было не деловое...

Наташа Что такое «...le l'aime»?..

Автор Крошечная черточка, отходящая от первого «l» влево, по-видимому, соединяла его с другой буквой в одно слово...

И вдруг — совершенно ясно, ясно до радости, до ужаса...

Наташа - Это «le» — вторая половина слова «elle». «Elle l'aime». «Она его любит».

Автор И потом, очевидно, в следующей фразе, «jeune». А на оборотной стороне, по-видимому, уже умозаключение и советы писавшего.

Наташа - Что другое могут значить слова: «faut renon...», как не «faut renoncer»? — «Надо отказаться».

Автор Наташа так и застыла с этим лоскутком в руках... И если бы Гастон

сейчас вернулся — она все равно не разжала бы руки, не спрятала бы этот драгоценный документ.

Наташа Что это значит? Кто «она»? Она любит молодого... надо отказаться... А может быть, это все-таки деловое письмо? Может быть, было затеяно какое-нибудь темное дельце, от которого надо отказаться. А слова «она его любит» тоже касаются какого-нибудь жулика, которому доверяет намеренная к облапошению богатая американка. Ничего в этом невозможного нет. Ровно ничего. Так отчего же это так убило его? Нет, это не то, не то. Как он согнулся, сломился весь... Нет! Удар был нанесен в сердце. Где он? Бедный, заблудившийся мальчик! Он сидит один на берегу. Он все равно не даст подойти к себе, но пусть видит, что она и в этом позорном для нее горе (от другой женщины идет оно!) с ним.

Автор Она скрутила бумажку, засунула ее в палец перчатки и бросилась за Гастоном. Но, выйдя в холл, остановилась пораженная: он уже вернулся, стоял, опершись локтем о бюро и нагнувшись к самому лицу кассирши, шептал ей что-то. Он держал ее за руку, и немка, обернувшись на стук Наташиных каблуков, вдруг страшно смутилась и отдернула руку. Прежде она никогда не смущалась так, почти до испуга.

Гастон *(спокойно)* - Ты на пляж? Иди, иди, я сейчас приду тоже.

Автор Она пошла на пляж. Но он не пришел.

Злодей тут усмехался

И расправлял усы,

Надел свои перчатки

И смотрит на часы...

Старинный романс

Гастон – Мне придется ненадолго уехать в Копенгаген.

Наташа - В Копенгаген?

Автор Это слово было ей приятно. Она боялась услышать «Париж».

Гастон - Очень ненадолго. И на этот раз я рассчитываю на полную удачу, так что можно будет сразу же ехать в какое-нибудь шикарное место. Лето кончается — надо торопиться.

Наташа - А я не могла бы поехать с тобой?

Гастон - Вот уж не стоит. Я буду бешено занят, и со мной будут разные дельцы, с которыми мне не хочется тебя знакомить.

Автор Наташа смотрела на его неестественно бледное, постаревшее и подурневшее лицо...

Наташа - Отчего же он не плачет?

Автор Ей казалось, что он в минуты горя непременно должен плакать.

Наташа - Впрочем, ведь уже один раз плакал, тогда... в тот вечер. Может быть, действительно у него деловые неприятности?..

Гастон - А ты за это время займись как следует твоим голландцем. Чтобы к моему возвращению он был влюблен как тигр!

Автор Гастон шутил и улыбался мертвыми губами.

Наташа - Когда же ты думаешь ехать?

Гастон - Завтра.

Автор Послали за бельем к прачке, купили на дорогу клетчатую кепку, пошли купаться. Но Гастон не смог войти в воду.

Гастон - Мне холодно.

Наташа – Он всё ещё болен?..

Гастон - Я рассчитываю вернуться дней через шесть. Но если и придется задержаться немножко ~ ты не беспокойся. И знай, что я заплатил за комнату вперед за две недели.

Автор Наташа не почувствовала благодарности за его милую заботу. Она почувствовала только тревогу от слов «две недели».

Наташа - Значит, может случиться, что разлука растянется на две недели...

- Ты хочешь, чтобы я писала тебе?

Гастон - Ну конечно. Пиши до востребования на буквы Л. Д.

Наташа – Л.Д.?

Гастон - Да, да. Л. Д. Я тоже буду писать.

Наташа – Знаешь, Госс. Я не хочу вечером идти в ресторан «на работу».

Побродим по берегу...

Автор Вечер был неизъяснимо тоскливый. Маяк бросал таинственные сигналы кому-то в далекие туманы. Два коротких луча, один долгий. И опять — два коротких, один долгий. Настойчиво, упорно. И не ждал ответа...

Наташа - Значит, ты будешь писать мне?..

Автор В береговом кафе играл оркестр. Колыхались несколько пар.

Гастон и Наташа, не сговариваясь, пошли на свет и музыку. Сели за столик.

Гастон (*привст ав*)- Хочешь?

Автор Он звал ее танцевать.

Немного удивленная, она положила руку ему на плечо.

Наташа - Как он изумительно танцует! Точно профессионал...

Автор Лицо у него было очень бледное, как, впрочем, и весь этот день, с той минуты, как он прочел письмо. Глаза полузакрыты, губы чуть-чуть шевелились, точно он говорил что-то.

Наташа - Он не со мной танцует, не со мной, не со мной!..

АВТОР Наташа улыбалась и двигалась как автомат.

Наташа - Как все это странно! Почему я не могу спросить у него, о ком он думает? Он, конечно, не ответит, но, с моей стороны, гораздо естественнее спросить, чем делать вид, что считаю все благополучным и верю ему. Точно меня нанял кто-то роль разыгрывать...

Автор Ночью она не спала.

Под утро увидела мутное море и джентльмена-рыбу, который, вытянув обе руки вбок и почтительно склонив свою плоскую голову, делал пригласитель-

ный жест. Русские мальчики приплясывали на берегу и поддразнивали Наташу:

Мальчики Полюбила рыбу-судачину,

Принимала рыбу за мужчину. *(смех)*

Автор Проснувшись, она все еще как будто слышала их голоса и смех.

Сон дурацкий и, пожалуй, даже веселый, а потянулась от него тоска, как туман, на все утро.

Гастон быстро уложил вещи, отвез их на вокзал, и, вернувшись снова, долго шептался с кассиршей.

Наташа *(спокойно)* - Не обокрал бы он меня на прощанье...

Автор Такая мутная боль наполняла всю ее душу, что эта безобразная мысль была даже приятна. Ведь это было нечто простое, бытовое, реальное. Люди живут во всякой жизни. Счастливые в хорошей, несчастные — в дурной. Но в подозрениях, догадках, трепетах и снах, когда они составляют весь быт и уклад, жить нельзя.

Гастон - Позавтракаем в каком-нибудь ресторанчике, а потом я один пойду на пристань. Ты не должна меня провожать. Я этого не люблю.

Наташа - Хорошо. Я буду с пляжа смотреть на твой пароход.

Автор Завтрак прошел напряженно и скучно. Гастон был рассеян. Наташа все складывала в уме разные фразы, которые произнести не решалась.

Наташа - Надо торопиться, мальчик, ты опоздаешь.

Автор Тогда он встал, поцеловал ей руку, потом, точно вспомнив что-то, поцеловал в губы.

Гастон - Ну вот. Я пойду. Не скучай, ведь это ненадолго. Пиши мне в Копенгаген, до востребования, Р. Т.

Наташа - Р. Т.? Ведь ты вчера сказал, что на Л. Д.!

Гастон *(рассеянно)* – Ну да, на Л. Д.

Наташа – Ясно...Мои письма ему не нужны.

Автор Они вышли вместе.

Наташа - Можно мне проводить тебя до угла?

Гастон - Хорошо.

Автор На углу он остановился, снова поцеловал ей руку и, сделав приветственный жест, совсем чужой, быстро, не оборачиваясь, пошел вдоль улицы.

Elle commençait de savoir que les absents sont toujours raison. Fr. Mauriac

Она начала понимать, что отсутствующие всегда правы. Фр. Мориак

Автор Поэты, писатели, психиатры и многие прочие знатоки человеческой души убеждены и других убеждают, что для тяжелого настроения и даже для глубокого горя лучшим средством, утишающим страдания, является природа.

Наташа - Природа говорит о вечности.

Автор А мысль о вечности {так считают эти знатоки} очень приятна для скорбной души. День был мутный.

Тусклое море дымно сливалось с небом, и долго две серые продолговатые соринки стояли недвижно не то на море, не то на небе.

Наташа - Которая из этих соринки - пароход, увозивший Гастона?..

Автор Потом она повернулась и пошла домой.

Без Гастона комната стала большой, пустой и странно тихой. Наташа огляделась, точно видела эту комнату в первый раз. Выдвинула ящик стола.

Наташа - Пусто... Тут долго валялась его сломанная запонка. Исчезла...

Автор Наташа быстро оглянула стену у кровати...

Наташа - Неделю тому назад я прищипила туда портрет Гастона. Фотограф на пляже прищелкнул нас вместе «кодаком», когда мы выходили из моря...

Автор Наташи почти не было видно, но Гастон вышел хорошо.

Наташа - Карточка висела еще вчера. Сейчас ее нет... Впрочем, он ведь всегда исчезал так. Бесследно. И это не мешало ему возвращаться.

Автор Целый день пролежала Наташа в постели, почти не меняя позы.

Наташа - Он был во всем прав. Нужно удивляться, что он меня не бросил. А он не бросил, потому что даже заплатил из своих денег вперед за комнату. Это мило, это нежно и деликатно. Но ему скучна жизнь со мной. Он — это ясно — искатель приключений. Он звал меня с собой в свою интересную, пеструю жизнь. И так осторожно звал, ни к чему не принуждал... Я мокрая курица. Кислятина. Русская растяпа. Размазня... Как он оживился, когда я согласилась подурить с этим рыбьим голландцем! И чего, в сущности, я хочу? Чтобы Гастон поступил на место, скажем, рассыльного у Манель?.. На тысячу франков жалованья? Стал бы маленьким приказчиком?.. Какая ерунда!

Автор И она представила себе жизнь ту, на которую Гастон звал ее.

Наташа - Уголовный фильм, авантюрный роман. Я его спасаю... ночью подплываю на лодке... мы ползём по крыше... я его, раненого, мчу в автомобиле... Мы танцуем на пышном балу, все любят меня, и он гордится... А под утро я подаю сигнал... Добыча — два миллиона. Переодетые странствующими музыкантами, мы переходим границу...

Автор Она так и пролежала до утра, не раздеваясь, сжавшись комком, в снах, полуснах. Утром встала рано и пошла...

Наташа - Но не к морю, только не к морю, не к безднам, не к ангельски розовым зорям.

Автор Нет, инстинкт еще вел ее к жизни, и она пошла бродить по улицам курортного городка, смотреть на витрины магазинов, разглядывать ерунду...

Наташа - Бусы из горного хрусталя, перстенечки из кровавика, сережки из какого-то мутного камня, неделикатно положенные рядом с огромной подставкой под чернильницу из того же материала, что явно свидетельствовало о его нередкости и недрагоценности.

Автор Рассматривала вязаные кофточки, купальные костюмы и шапочки, все грубое и некрасивое и на ее изысканный вкус парижского манекена, даже смешное...

Наташа - В ресторан «Pavilion» идти не хочется. Устала и увяла... Надо сначала хорошенько отдохнуть... Гастон вернется в худшем случае через две недели, потому что заплатил за две недели вперед. Ну а за эти две недели голландец будет уже привязан на веревочку. Только сначала надо отдохнуть.

Автор Вернувшись домой, увидела подsunутое под дверь письмо. Сердце так стукнуло, что она не сразу нагнулась поднять.

Но конверт был не запечатан и заключал в себе просто отельный счет.

Наташа - Это они для порядка. Немецкая аккуратность.

Автор Проходя мимо конторки, старалась не глядеть на фрау Фрош. Но чувствовала на своей спине ее острые злые глаза.

Наташа - Жаль, что здесь заплачено вперед, а то я могла бы переехать в другой отель. Но с другой стороны, эта жаба Оттилия, наверное, скрыла бы мой адрес от Гастона.

Автор Прошел день. Прошли дни. Она ходила на почту. Спрашивала письма на свои буквы и на свое имя. Чиновник перебирал нетолстую пачку.

Чиновник - Nichts.

Автор Как-то, подходя к почте, увидела фрау Фрош. Она как раз выходила оттуда. Шла с пустыми руками, растерянная, и Наташу не заметила, хотя встретились они нос к носу. Наташа была поражена выражением ее лица.

Наташа - Это такое тупое, бессмысленное отчаяние, которое, переводя на звук, можно было бы сравнить с ослиным криком. Выражение её лица отчаянное, как ослиный крик.

Автор Она быстро, неровной походкой пошла по направлению к отелю.

Наташа - Ждет писем от Гастона! (*злбно засмеялась*) Противно! Я вот так же, как эта жаба, иду на почту и так же, как она, письма не получу. Может быть, и у меня самой такое же выражение лица?

Автор Она посмотрела вслед фрау Фрош. Первый раз видела она ее на улице.

Наташа - Ввинченная в плечи голова, коротенькие ножки, тугое, словно из

пробки, несгибающееся туловище, обтянутое бурой вязаной кофточкой... Бежит на службу... Жалкая! Не позволять себе жалеть кассиршу. В этой жалости есть какая-то для меня самой опасность...

Автор Проходя мимо бюро, она нарочно смотрела в сторону...

Фрау Фрош - Вам уже два раза подавали счет. Будьте любезны уплатить, наш отель кредита не делает.

Автор И, торжественно подняв коротенькую ручку, фрау Фрош указала на соответствующий плакат на стене.

Наташа (*холодно*) - Позвольте, но ведь мосье Люкэ, уезжая в Копенгаген, заплатил за две недели вперед, а прошло только шесть дней со времени его отъезда.

Автор Наташа теперь близко видела лицо кассирши. Как оно изменилось! Толстые щеки как-то гнусно отмякли и обвисли, как коровье вымя. Портрет племянника переехал к левому уху. Значит, ворот стал широк и она перетягивала его. Как же она похудела...

Фрау Фрош (*злбно*) - Уплатил за две недели? У вас в таком случае должны быть наши расписки. Будьте любезны показать.

Автор Теперь рот ее растянулся и выпустил ряд золотых и зеленых зубов разной величины.

Наташа - У меня нет расписок... Он, очевидно, забыл их передать мне!... или просто верил в вашу порядочность. Он на днях вернется из Копенгагена, и все выяснится.

Фрау Фрош - Х-ха! Х-ха! Почему он вернется из Копенгагена?..

Почему он вернется из Копенгагена? Когда он вовсе не туда поехал. Наш слуга был на вокзале и слышал, как он покупал билет Гамбург — Париж. И видел, как он сел в гамбургский поезд. Ловко он вас надул.

Автор Она помолчала, с любопытством рассматривая Наташино лицо.

Наташа - А какое вам дело до того, где он находится?

Фрау Фрош (*задохнувшись*) - А какое мне дело? Если мне нет дела, то вы, очевидно, берете на себя уплатить мне пятьсот марок, которые ваш друг взял у меня взаимобразно, — расписка у меня есть!

Наташа (*презрит ельно*) - Ах, вот что вас волнует! За комнату я, конечно, заплачу, а вопрос о своем долге он, конечно, урегулирует, когда вернется. Можете успокоиться. (*уходя*) Прошу меня не беспокоить.

La souffrance, prolongement

d'un choc moral impose,

aspire a changer de forme

Marcel Proust

Долгие ст радания ведут к изменению сущност и. Марсель Пруст

Автор Есть души, для которых слезы как увеличительные стекла: мир, видимый ими через эти стекла, всегда огромен и ужасающ в своем безобразии.

Те мелкие детали, которые обычному взору представляются почти украшением, потеряв свои нормальные размеры, давят и пугают. Кто видел под микроскопом очаровательнейшее создание божие, символ красоты земной — бабочку, тот никогда не забудет ее кошмарно-зловещей хари. Пленкой «маловиденья» преобразен для нас мир чудовищ.

Завыли по ночам сирены. Безнадежно и жутко. Предупреждали кого-то в далеких морях, а тот или не слышал, или не понимал, потому что вой возобновлялся еще и снова и, казалось, уже не предупреждал, а оплакивал.

Наташа - Безнадежно!

Автор И маяк настойчиво бросал свои лучи — два коротких, один долгий, настойчиво, хотя уже было ясно, что никому он не нужен и никого не спасет.

Наташа - Но откровеннее и наглее и сирен, и маяка рассказал обо всем страшный ночной сигнал — три красных фонаря, поднятых на береговую мачту.

Автор Она увидела их, выйдя из кинематографа, куда забрела случайно. Жиденькое желтое освещение в подъезде этого кинематографа держалось близко, дальше входных ступенек не разливалось.

Наташа - Дальше - черный провал не вниз, а во все небо и во всю землю, во всю безмерность пространства. Черный провал. И над ним высоко по вертикальной линии три красных фонаря.

Прохожий - Будет шторм...

Автор Но никому это пояснение не было нужно.

Наташа - Ужас не в том, что будет шторм. Ужас в черном провале и висящих над ним, как бы осеняющих его или воплем кричащих красных огнях...

Автор Никакое логическое рассуждение не расскажет человеку так безысходно явно все о нем самом, как вот такие огни...

Наташа – Да... Одна на свете, в одиночестве позорном, потому что брошена и потому что не сама это одиночество избрала... И раньше, и всегда была она одна. Никому не нужная, не интересная. Манекен для примерки чужих платьев.

Автор Жизнь ни разу не коснулась ее. Война, революция — все прошло мимо. Все отозвалось только как холод, голод и страх.

Наташа -Пришла любовь и дала душе тоже только холод, голод и страх. И в любви этой была одна. Одинока.

Гадалка предсказала, что я поплыву на родину. На родине чудеса и Христос приходит на зов... Только ведь я, пожалуй, и там буду лишняя и чудес не узнаю. Слышать о них буду, а сама ничего не познаю. Душа у меня скучная...

Автор Прижалась она сейчас к этому подъезду кинематографа, расцвеченному уродливыми разляпанными плакатами. Стоит в его жиденьком желтом свете..

Наташа - Но вот уж и он гаснет. А дальше — то, черное, глубокое, безмерное...

Автор Потом начались сны. Сны несчастных всегда удивительны и всегда много страшней жизни.

Бодрствующий разум так преданно «подхалимно» служит человеку, подправляет, успокаивает, подвирает где нужно, не верит, когда можно.

Спящий оставлен без этой верной охраны. И к нему, беззащитному,

подкрадываются темные ползучие ужасы, опутывают его как свою добычу и овладевают им. Иногда они так сильны, что разрушают всю дневную работу почтенного разума, и человек перестает верить дню со всеми его прекрасными возможностями и твердой логикой и с пути благоразумия покорно и безвольно соскальзывает на путь безумия.

Наташа - Приходили сны почти всегда одни и те же. Всё искала какого-то ребенка, которого унесли и где-то мучают.

Автор Вероятно, в этих сновидениях просто отражалось сокровенное ее любви: нежность и тревога за этого «заблудившегося мальчика».

Наташа - Просыпалась, слышала воющий плач сирены и засыпала, чтобы снова бродить по неведомым лабиринтам, и искать, и не находить...

Автор Но в ту ночь, предшествующую знаменательному дню, увидела она сон, непохожий на обычные.

Наташа - Увидела старый деревенский дом, где провела детство. Увидела большую столовую этого дома и сидящих вокруг накрытого стола.

Сумерки густые, почти ночь. Но огня почему-то не зажигают. И сидят молча.

И вот вижу высокого плешивого старика, различаю его пробритый по старинной моде подбородок. На плечах чуть-чуть поблескивают эполеты. «Дедушка! Покойный дедушка»!

И как узнала его, так сразу узнала и других. Вот прямая, плоскогрудая, на плечах оренбургский платок — тетя Соня. Тоже давно умершая. И в широком кресле сама широкая, низенькая, вся в оборочках и фальборочках и в рюшках — бабушка. А рядом дальняя родственница, старушонка Пашенька — когда же она умерла? Ах да, еще до войны...

Не успела всех разглядеть, но заметила, что один прибор пустой... Понятно... Все ждут именно этого гостя, который не приходит, и потому так напряженно и молчат.

Дедушка - Чего же мы ждем, ma chere? Почему не начинаем?

Бабушка - Маруси еще нет.

Наташа - Кто же такая эта Маруся? Я ведь Маруси совсем не знаю».

Дедушка - А когда же она прибудет?

Автор Наташу страшно волнует слово «прибудет». Это долгое, гулкое «у» — «прибу-у-у-уудет» — заключает в себе что-то особо страшное. Или это вой сирены вошел в ее сон?..

Чей-то голос во сне - ...числа...

Автор Наташа не поняла цифры. Она слышала, но как-то не поняла и тотчас проснулась. И, проснувшись, мгновенно забыла весь сон. Осталось только какое-то особое тоскливое беспокойство, новое, которого раньше не было.

Наташа - Уже светает, больше не буду спать. Знобит, болит нога...

Автор Надевая чулки, она заметила, что сустав около большого пальца распух.

Наташа - Подагра?

Автор Долго с ужасом рассматривала свою прелестную ногу с подкрашенными лакированными ноготками.

Наташа - Надо зайти в аптеку, спросить какую-нибудь мазь.

Автор День начался яркий, солнце прыгало по стеклам, быстрое, веселое. Можно было пойти на пляж и просто прогреть как следует больной сустав.

Наташа - Купаться, конечно, нельзя. Совсем простужена...

Автор Веселый день говорил, однако, о том, что надо жить на свете и что-то для этой жизни предпринимать.

Наташа - За комнату заплачено еще за пять дней. Если ехать через пять дней в Париж, то не хватит даже на билет третьего класса. Добраться до Парижа и там постараться продать кое-что из платьев? Голландец!.. Как глупо, что я его так забросила. Надо сегодня же пойти в «Pavilion».

Автор Она надела очаровательное платьице, которое еще ни разу здесь не надевала, зеленое, с вышитыми серебряными и золотыми рыбками, и пошла в

парикмахерскую.

Наташа - Нога болит, знобит, но день кричит, что надо жить. Куафер попался какой-то неладный, подпалил прядь около уха.

Автор Рядом причесывалась миловидная барышня, поворачивала стриженую головку на тонкой шейке, и Наташе вдруг надоели ее упругие локоны.

Наташа - Остригите меня.

Автор Куафер радостно защелкал ножницами: четыре раза в воздухе — один в волосах.

Наташа – Нехорошо... Очень темное у меня лицо, точно из больницы.

Автор Барышня рядом была рыженькая.

Наташа - Не выкраситься ли?

Автор Куафер очень одобрил эту мысль.

Куафер - В бронзовых английских тонах фрейлен будет очень фajn!

Наташа - Да, вышло хорошо.

Автор Наташа медленно поворачивала перед зеркалом свою позолоченную змеиную головку.

Наташа - Какие огромные глаза!

Автор Она с истинным восхищением рассматривала и расчесывала свои ресницы, очерчивала красным карандашом нежный рисунок рта. Радовалась, что видит себя такой красивой и, главное, совсем новой.

Наташа - Ах, как хорошо, что можно сделаться новой!

Автор Она пошла на пляж, глядя на свое отражение во всех окнах.

Il n'est guere de drame passionnel, suicide ou crime, dont les causes apparents ne semblent bien legeres. *Fr. Mauriac*

Эт о вовсе не ст раст ная драма, прест упление или самоубийст во, видимые причины кот орых каж ут ся слож ными. *Фр. Мориак*

Автор Несмотря на яркое солнце, день был холодный, ветренный.

Наташа - Поэтому и купальщиков мало...

Автор Наташа выбрала местечко подальше от публики, сняла башмак и чулок с больной ноги.

Наташа - Песок холодный...

Автор - И ее сразу стало знобить, но она долго пролежала так, усталая, в полудремоте.

Кричали чайки. Мелкими звоночками перезванивали детские голоса.

Толстый аббат, с серым мягким лицом старой нянюшки, прошел со своим молодым другом.

Наташа - Я уже встречала эту парочку. У старика сентиментальные голубенькие глазки. Друг его, тоже священник, с плоской сутулой, как вопросительный знак, спиной, с непомерно длинной талией напоминает фигурой цирковую собаку в юбочке, стоящую на задних лапах. Лицо у него всегда надменно приподнятое, глаза подчеркнуто целомудренно опущены. На шее под затылком — глянцевитые лиловые прыщи.

Автор Старик остановился недалеко от Наташи и долго восторженно говорил о чем-то, указывая на небо и море.

Молодой слушал, не поднимая ресниц, и вдруг исподтишка метнул опущенным глазом на Наташину ногу, быстро, точно стащил и спрятал.

Наташа - А старик все говорит о небе...

Автор На небе в это время свершалась мистерия: неслись белые воздушно-облачные видения, туда, к горизонту, где залегло темное, неподвижное и неумолимое. Белые видения гасли, таяли, умирали и все-таки не останавливали своего жертвенного стремления...

Наташа заснула без сна, лишь в каком-то тихом звоне, и проснулась внезапно, точно кто позвал ее, и открыла глаза.

Прямо к ней, тяжело и осторожно шагая толстыми голыми ножками, шел крошечный рыжий мальчик. Он смеялся веселыми глазками, и верхняя губка его надулась, словно припухла, и маленькие ямочки дрожали в углах рта.

Глядя на это приближающееся к ней ужасное своим сходством милое личико, Наташа задрожала от отчаяния. Она вытянула руки, словно защищаясь от страшного призрака:

Наташа - Прочь! Прочь! Не хочу! Прочь!

(мальчик заплакал)

Автор Испуганный ее криком ребенок остановился, сморщил глаза и нос, и губки его посинели от плача.

А Наташа упала грудью на песок и зарыдала громко, с визгом, вся трясясь и дергаясь.

Пляж уже начал пустеть — наступало время завтрака, когда она пошла домой. Распухшая нога болела, и Наташа присела на скамейку берегового бульварчика.

Мура - Она?

Шура - Не может быть...

Автор Голоса были русские.

Мура - Она!

Шура - Наташка — ты?

Автор Перед ней загорелые, черные, как арапчата, стояли Шурка и Мурка. Круглые их глаза глядели на нее испуганно.

Шура - Господи! Да что же это с тобой? Какая ты страшная! Рыжая, зареванная!

Наташа *(ж алобно)* - У меня нога болит...

Шура - Господи! Она стала рыжая оттого, что у нее нога болит! Ничего не понимаю. Деньги-то у тебя есть?

Мура - Не беда. Мы здесь танцуем в «Павильоне». Через пять дней

получаем деньги и — марш в Париж. Тогда мы вас прихватим с собой...

Шура - Да как тебя сюда занесло? А Манельша тебя по всему Парижу разыскивает.

Наташа - Манельша... разыскивает... Ах да!.. Костюмы... С чего же она взяла, что я...

Шура - Именно решила, чтоб тебя... Брюнето женился на Вэра. Открывают свою мастерскую. Вэра утащила у Манельши все лучшие модели, которые сама показывала и которые ты показывала. Но Манельша не желает подымать никакого скандала и надумала сделать тебя директрисой. Говорит, что ты очень дельная и очень приличная, словом — влюбилась в тебя. А ты тут нюнишь!..

Мура - А Любаша-то бедная! Какой ужас!

Наташа (*уст ало*) - А что?

Шура - Как — что? Разве ты не знаешь? Господи, она ничего и не знает! Все газеты только об этом и пишут. Зарезали ее.

Мура - Задушили, а не зарезали. С целью грабежа.

Шура - Не с целью грабежа. Там как-то иначе по-юридически... С целью симуляции грабежа... Вот как.

Мура - По подозрению арестован Жоржик Бублик—знаете?! Ну наверное знаете.

Шура - Настоящая фамилия — Бубелик. Это так прозвали Бублик, а он — Бубелик. Латыш, что ли.

Мура - Не латыш, а латвийский подданный. Это разница. Да вы его, наверное, знаете...

Шура - Все лето таскался за Любашей по всем ресторанам, такой подлец! Стой, Мурка, у тебя же была газета... та, французская... Да посмотри в сумке.

Автор Мурка раскрыла вышитую купальную сумку, набитую всякой балетной требухой.

Шура - Да ведь была же!

Мура - Постой, а это что?

Автор Мурка выхватила из рук Шурки газетный сверток и, вытащив из него грязные балетные туфли, развернула.

Шура - Ну кто же ее знал, что это та самая. Ну вот... смотри. Это «Matin». Вот «Gueorgui, Georges Bubelik». Вот он... смотри...

Автор Голова... голая шея без воротничка, странно, точно от холода, сжатые плечи...

Наташа - Гастон.

Автор Наташа устало смотрела на это лицо. Она была совсем спокойна. Как будто ей снова и снова рассказывают давно ей известную, совершенно для нее постороннюю историю. Только сердце колотилось отчаянно — но оно жило своей жизнью, и это биение его было чисто физическое, потому что душа ее была совершенно спокойна. Больше всего в настоящий момент интересовало Наташу ее собственное лицо. Ей почему-то казалось, что оно улыбается, и она со страшным усилием сжимала губы.

Наташа - Как это странно! Почему я так?

(перебивая друг друга)

Мура - Да, да, латвийский подданный.

Шура - Латвийский, без определенных занятий. Двадцати двух лет.

Мура - А репетиция-то, господи!

Шура - Наташка! Приходи вечером в «Павильон». Или завтра на этом месте в одиннадцать.

Мура - Нет, лучше приходите сегодня! Поболтаем.

Шура – Мурка, дай заверну туфли в ту же газету. Ну, до встречи!

Автор Наташа осталась одна. Закрывает глаза. И вот опять Шурка перед ней..

Шура – Наташка, ты, может быть, расстроилась? Я сейчас только вспомнила, что он и за тобой бегал. Да ты плюнь. Такой мерзавец, он и тебя мог бы. Иди, голубка, отдохни! А я бегу...

Наташа - Значит, так. Он убил Любашу, чтобы ограбить и вернуться ко мне. Тогда его казнят. Или он убил из ревности?

Автор Она вспомнила обрывок письма.

Наташа - Ведь он сорвался ехать именно после этого письма. Тогда его оправдают. Его оправдают, но он — вернется ли он ко мне ? Он, значит, все время любил баронессу, однако был со мной. Значит, опять вернется. Но лучше всего, если убил из-за денег и сумеет вывернуться. Нужно, чтобы было так: убил из-за денег, но доказать, что убил из ревности. Я могу ему в этом помочь... Я покажу этот обрывок письма, может присочиню что-нибудь. Это так. Но сейчас важнее всего другое. Важнее всего понять, установить для самой себя: любил ли он баронессу?..

Автор Вспомнился разговор в дождливый день в ресторанчике...

Наташа - «Но если заставить такую женщину полюбить...» Так, кажется, он сказал... «То нет высшего блаженства на свете». Да, да. Он сказал именно так. Но пожалуй, что она-то его и не любила, а он только надеялся и представлял себе это «высшее блаженство»... Что бы там ни было, надо сейчас же ехать в Париж. Откладывать на пять дней неммыслимо.

И еще одна возможность: ведь он арестован только по подозрению. Может быть, убил-то и не он?

Но они там будут снимать оттиски пальцев, увидят его страшные руки.

«Любаша задушена!»— сказала Мурка.

Автор Усталость и скука. Так давно, давно она все это знала, что теперь, узнав в окончательный и последний раз, не чувствует ничего, кроме смертельной усталости и скуки.

Наташа - Не печаль, не тоска, а вот именно то чувство, когда все то же самое долбитя без конца, без конца...

Только вот сердце бьется так, что дышать трудно. Сердце само по себе, по своей воле отмечает что-то последнее и окончательное.

Автор Да еще этот странный смех, который растягивает ей губы и с которым она никак не может сладить.

La vie n'est qu'une ombre errante...

C'est un conte, dit par un idiot, plein

de fracas et de furie et qui ne signifie rien *Shakespeare. Macbeth*

Жизнь – т олько блуж дающая т ень... Эт о сказка, рассказанная идиот ом, кот орая полна скандалов и ярост и и кот орая ничего не значит . У. Шекспир

Наташа - Да. Ждать еще пять дней невыносимо. Надо сейчас же ехать в Париж. И главное, не теряться, ничего не забыть и ничего не перепутать, иначе я погибла. «О том» сейчас думать не надо. Сейчас надо ехать в Париж. Денег нет. А голландец? Немедленно идти в «Павильон». Сейчас время завтрака. Он там.

Автор И она, спеша и спотыкаясь, побежала в ресторан.

Метрдотель не сразу ее узнал — так изменилась она от новой прически, от красных пятен на щеках, от заплаканных глаз — и, не узнав, повел на другую сторону террасы, но она, быстро повернувшись, направилась к своему обычному месту.

В ресторане было пусто. И главное — столик голландца был пуст.

Наташа - Где этот господин?.. Почему я так громко говорю?

Лакей - 1st nicht da.

Автор И она сейчас же вскочила со стула, на который уже успела сесть, и бросилась к выходу.

Наташа - Теперь уже совершенно ясно, что голландец на пляже. Он, значит, сегодня купается дольше обыкновенного. Надо бежать на пляж, не теряя ни минуты. Тогда я еще сегодня успею уехать.

Автор На пляже было уже совсем пусто. У самой воды одевалась какая-то

личность из тех, что не берут кабинок, а купаются в тихое время прямо с берега. Личность напяливала белье на мокрое трико, и ветер вздувал парусом белую рубаху.

Подальше человек десять мальчишек, громко крича, гонялись друг за другом стаей мелкой рыбешки.

Наташа - Это, верно, русские мальчишки из моего сна... Сны входят в жизнь. Да. Вот уже сны входят в жизнь...

Автор Она быстро разыскала свою кабинку, разделась и натянула купальный костюм. Трико показалось холодным и сырым, и ее всю затрясло.

Наташа - Боже мой, до чего я больна! А ведь сегодня надо ехать... Главное ничего не забыть и ничего не перепутать. Сейчас нужно найти голландца и взять у него денег.

Автор Она вышла из кабинки и пошла к тому месту, где они обычно купались, но по дороге споткнулась о вырытую детьми горку, упала на песок, закрыла глаза и точно мгновенно заснула. Может быть, всего на минутку. Но когда очнулась, сразу увидела своего голландца. Он стоял довольно далеко, пожалуй дальше того места, где они всегда купались, и, очевидно, подстерегал момент, когда она откроет глаза, потому что сразу же сделал свой обычный пригласительный жест, склонив голову и вытянув руки, и тотчас исчез.

Наташа - Очевидно, прыгнул в море...

Автор Наташа вошла в воду. Вода была холодная и странно сильная и упругая. Не пускала к себе. Тяжело ударила в сердце, когда Наташа легла на волну. Но зато потом подняла ее и понесла на себе легко и свободно.

Наташа - Голландца не видно. Но справа гулко плеснуло — значит, он нырнул и сейчас, проплыв под ней, вынырнет слева. Обычная его игра.

Автор Быстро почувствовав усталость, Наташа повернула к берегу.

Берег оказался дальше, чем она предполагала.

Наташа - Неужели я так долго плавала?

Автор Слева мелькнула рука голландца. Наташа повернула на этот знак. Но рука мелькнула снова уже справа, потом совсем далеко впереди блеснули ледяные стекла его пенсне.

Наташа - Пожалуй, все это мне кажется...

Автор Но берег уходил все дальше. Это уже не казалось.

Наташа - Что же это такое?.. Ведь плыву-то я к берегу...

Автор Она посмотрела вниз, в мутное зеленое пространство. Увидела свое, сокращенное водой, маленькое, беспомощное тело, нежные, янтарного цвета ножки. И ей стало жаль этого незащитного существа, судьбу которого она так давно, давно знала...

Она подняла голову. Да. Берег уходит от нее.

Наташа (*спокойно*) - Меня уносит в море. Ну что ж... Надо все-таки плыть к берегу.

Автор Справа, довольно близко, показался пароход.

Наташа - Если он пройдет между мной и берегом, перережет мне путь и поднимет большую волну — мне не выплыть.

Автор Пароход перерезал ее путь, направляясь к гавани, но волны не поднял, и Наташа поняла, как далеко отнесло ее от берега.

Наташа - Должно быть, я утону.

Автор И тут ей показалось, что нужно непременно что-то сделать такое, что всегда все делают, а она вдруг забыла.

Наташа - Что же это? Ах да — надо помолиться... Господи! Спаси, помилуй и сохрани рабу Твою Нат... Да ведь не Наталья же я! Я Маруся, Марья...

Автор И тут сразу же мгновенно вспомнила свой предутренний сон.

Бабушка - Маруси еще нет.

Дедушка - А когда же она прибу-у-дет?

Наташа - Вот оно, это «у-у-у», так испугавшее меня во сне. Это «у-у-у» —

это море. И как же я не поняла, что Маруся и есть я. Но теперь уж совсем не страшно. Теперь только смертельная усталость. А что они ждут, так ведь это хорошо. Это очень хорошо, что и меня кто-то где-то ждет. Но сейчас все-таки надо плыть. Надо доработать свое заказанное, положенное на земле.

Автор Она снова заглянула вниз в зеленую бездну, снова увидела висящее над ней крошечное свое тело.

Наташа - И ничего не было на свете. Ни жизни с Гастоном, ни любви к нему, к Госсу, к заблудшему мальчику, ни ужаса последних часов — ни-че-го. Как могло все это быть таким значительным и страшным?! Может быть, я еще и доплыву до берега. Но и это особого значения уже не имеет.

Автор И все-таки что-то нужно было. Выполнить какой-то старинный, далекий, вековой завет.

Наташа - Да... перекреститься нужно. Перекреститься. Просто: во имя Отца и Сына и Святого Духа.

Автор Она подняла руку, и тотчас острая, жгучая боль ударила ее в дыхание, обожгла мозг, зеленым звоном заполнила мир.

И она еще раз дернула головой, ловя воздух.

Шторм продолжался два дня.

Суровый пахарь трудно водил тяжелым своим плугом, резал упругую сине-зеленую почву, и она, вздымаясь, опадала белой пылью в глубокие борозды

На третий день, когда тело Наташи прибило к берегу, к рыбацкой стороне за купальнями, море было спокойно и вечер, осененный ангельски-розовым крылом неба, — благостно тих.

Нашли тело рыбаки, спустившиеся к берегу выправить сети.

Сынишка одного из них, увидев издали приподнятую головку Наташи, маленькую в облепивших ее коротких волосах, побежал к дому, радостно крича.

Сынишка рыбака - Мальчика поймали! Мальчика поймали!

Автор Этот серебряный детский голосок так чудесно прозвенел в вечернем

затихшем воздухе, что стоявший на берегу толстый патер улыбнулся и повернул свое доброе лицо старой нянюшки к молодому другу.

На пляже было почти пусто. Публика, напуганная плохой погодой последних дней, очевидно, разъехалась. Несколько немцев, пожалуй уже из местных жителей, сидели с газетами, подстелив коврики на сырой песок.

Немец - Дело вступило в новую фазу. Арестован муж баронессы, дегенерат, почти идиот, живший на средства своей жены. Вот в газете: «Со дня убийства барон ведет себя очень подозрительно. Он непрерывно смеется...»

Автор Патер отвел своего друга подальше. Ему не хотелось, чтобы молодой человек слушал детали этой грязной парижской драмы дегенератов, великосветских кокоток и сутенеров.

Он показал ему розовую даль, обещающую чудесное счастье...

Патер - День создан тоже по некоему образу и подобию, потому что рождается, живет и умирает. И смерть сегодняшнего дня особо прекрасна, тиха и кристальна. Тихость моря, и благость неба, и даже мирный человеческий труд — вон там несут рыбаки что-то темное, должно быть, улов вечерний, — и серебряный радостный голосок ребенка... Чудесна смерть твоя, отходящий день!

Автор И так как был он не только сентиментальный поэт, но и священник, то, подняв руку как бы для благословения, произнес последние слова, обращаемые на земле к отходящему...

Патер - *In manus Tuas, Domine. В руки т твои, Господи.*